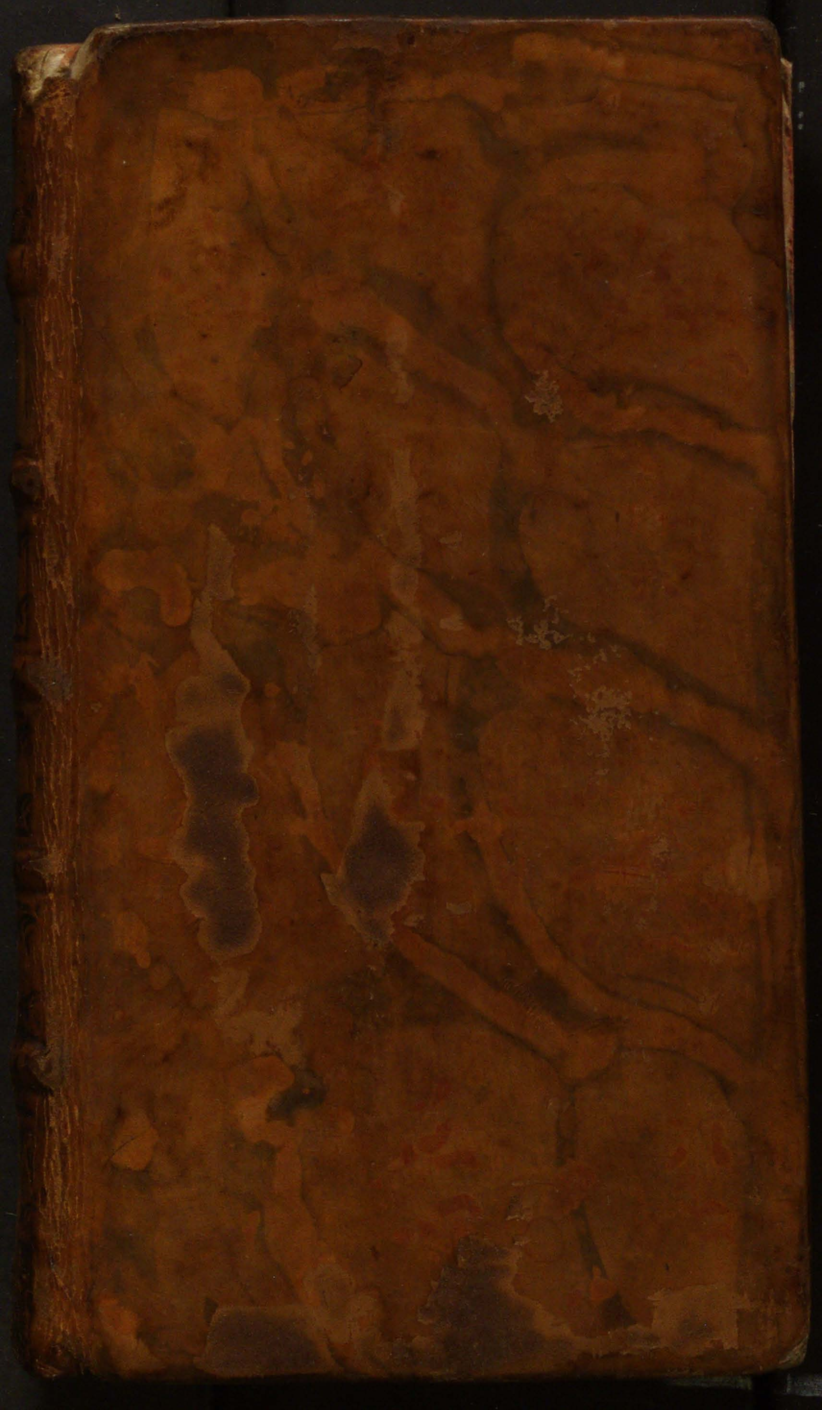

ПРИНЦЕССА ВАВИЛОНСКАЯ

СОЧИНЕНІЯ ГОСПОДИНА В. . .

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ ѲЕДОРЪ ПОЛУНИНЪ

Второе изданіе съ поправленіемъ.

ВЪ Санктпетербургѣ. 1781 году.

ПРИНЦЕССА ВАВИЛОНСКАЯ.

§. I.

Белусъ древнїй Король Вавилонскїй почиталъ себя первымъ человѣкомъ на свѣтѣ, по тому что всѣ его придворные ему то сказывали, и Историографы его объ ономъ же увѣряли: естьли можно чѣмъ его въ семъ смѣшномъ мнѣнїи извинить, то не инымъ, какъ только тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ предки его построили Вавилонъ болѣе тритцати ты-

сячъ лѣтъ до него, и что онъ его украсилъ. Извѣстно, что дворецъ его и звѣринецъ въ разстоянiи на нѣсколько Персидскихъ миль отъ Вавилона распространялись между Эвфратомъ и Тигромъ омывающими сiи прекрасные берега. Обширной его домъ, имѣющiй въ фасадѣ три тысячи шаговъ, воздымался подъ облака. Верьхъ онаго дому окруженъ былъ оградою изъ бѣлаго мармора, вышиною пятдесятъ футъ, на коемъ поставлены были статуи ужасной величины всѣхъ Королей и великихъ людей государства. Сiя площадь была сдѣлана въ два ряда кирпичей и покрыта свинцовыми плитами отъ одного конца до другаго, а сверьхъ насыпана была землею на двенатцать футъ, и на оной землѣ насажены были рощи изъ деревьевъ оливковыхъ, померанцовыхъ, цитронныхъ, пальмовыхъ, гвоздичныхъ, орѣховыхъ, кокосъ называемыхъ, коришневыхъ, которыя составля-

ли

ли аллеи непроницаемыя солнечными лучами.

Воды Эвфратскія, возвышенныя насосами во сто столбовъ вкопанныхъ, текли въ сіи сада наполнять обширные бассейны марморные, и обращаяся потомъ другими каналами, составляли въ звѣринцѣ каскады длиною шесть тысячъ футъ и сто тысячъ водяныхъ возвышенїй, коихъ вышину едва увидѣть было можно; а наконецъ возвращались въ Эвфратъ, изъ коего проистекали. Сада Семирамидины, удивляющїе Азїю, множество вѣковъ послѣ того были только слабымъ подражанїемъ сихъ древнихъ диковинокъ, по тому что со времени Семирамиды все начало перераждаться у мущинъ и у женщинъ.

Но что было всего удивительнѣе въ Вавилонѣ, что все прочее затмѣвало, была одна только дочь Королевская формозанта. Съ ея то портретовъ и статуй праксител

тель въ послѣдующіе вѣки вырѣзалъ свою Афродиту, и ту, которую называли прекрасною Венерою. Какое различіе, о небо! между оригиналомъ и копіями! Белусъ больше былъ надменъ своею дочерью, нежели какъ всѣмъ своимъ государствомъ. Ей было осмнатцать лѣтъ; надобенъ былъ ей супругъ ее достойной: но гдѣ его найти? Древній оракулъ (*) приказалъ, чтобъ формозанта не иному кому принадлежала, какъ только тому, которой натянетъ лукъ Нимвродовъ. Сей сильной Нимвродъ, будучи охотникъ, оставилъ лукъ вышиною семь футъ Вавилонскихъ, сдѣланной изъ Эбенова дерева, гораздо крѣпче желѣза горы Кавказской, вырабатываемаго въ Дербенскихъ кузницахъ; и никто изъ смертныхъ послѣ Нимврода не могъ натянуть сего удивительнаго лука.

Ска-

(*) Языческое предсказательное божество.

Сказано было еще, что тотъ, которой сей лукъ натянетъ, убьетъ льва наиужаснѣйшаго и свирѣпѣйшаго, пущеннаго на лобномъ мѣстѣ въ Вавилонѣ. Сего было не довольно: натягиватель лука, побѣдитель льва, долженъ побѣдить всѣхъ своихъ совмѣстниковъ, и сверьхъ того быть наиразумнѣйшимъ, прекраснѣйшимъ, добродѣтельнѣйшимъ, и имѣть вещи наидрагоцѣннѣйшія во всемъ свѣтѣ.

Пріѣхали три Короля, кои осмѣлились спорить за формозанту, фараонъ Египетскій, Шахъ Индѣйскій, и великій Ханъ Скиѳскій. Белусъ назначилъ день и мѣсто сраженія на концѣ своего звѣринца въ пространномъ разстояніи окруженномъ водами Эвфрата и Тигра соединенныхъ. Около лобнаго мѣста сдѣланъ былъ амфитеатръ изъ мармора, на которомъ могло помѣститься пять сотъ тысячъ зрителей. Противъ

амфитеатра былъ тронъ Короля, коему должно было притти съ формозантою въ провожанїи всего Двора, и по правую и лѣвую сторону между трономъ и амфитеатромъ были другїе троны и мѣста для трехъ Королей и для всѣхъ прочихъ владѣтелей любопытныхъ видѣть сїю преславную церемонїю.

Прежде всѣхъ прїѣхалъ Король Египетскїй верьхомъ на быкѣ Аписѣ, державъ въ рукѣ цитру Изисину. За нимъ слѣдовали двѣ тысячи жрецовъ, одѣтыхъ въ бѣлыя полотняныя одежды бѣлѣе снѣгу, двѣ тысячи евнуховъ, двѣ тысячи чернокнижниковъ и двѣ тысячи воиновъ.

Король Индѣйскїй прїѣхалъ скоро потомъ въ колесницѣ на двенатцати слонахъ. Свита его была еще гораздо многочисленнѣе и великолѣпнѣе фараона Египетскаго.

По-

Послѣдній пріѣхалъ Король Скиѳскій, при немъ были только воины избранные вооруженные луками и стрѣлами. Онъ ѣхалъ на преизрядномъ тигрѣ, коего усмирилъ, и которой былъ такъ великъ, какъ самая хорошая Персидская лошадь. Повелительной и величавой видъ сего Монарха помрачилъ его соперниковъ. Руки его голыя, жиловатыя и бѣлыя предвѣщали уже, что онъ Нимродовъ лукъ натянетъ.

Сіи три Государя пали тотчасъ предъ Белусомъ и Формозантою. Король Египетскій подарилъ Принцессѣ два наилучшихъ крокодила Нилскихъ, двѣ морскихъ лошади, двѣ крысы Египетскія и двѣ муміи (*) съ книгами великаго Гермеса, что онъ почиталъ за наибольшую рѣдкость на свѣтѣ.

Король Индѣйскій подарилъ ей сто слоновъ съ башнями деревяны-

(*) Балсамированное мертвое тѣло.

ными вызолоченными на каждомъ, и положилъ къ ногамъ ея вейдамъ, писанной собственною рукою Ксака.

Король Скиѳскій, неумѣющій ни читать, ни писать, подарилъ сто лошадей, покрытыхъ попонами изъ черныхъ лисьихъ мѣховъ.

Принцесса потупила глаза противъ своихъ любовниковъ и кланялася съ видомъ смиренія и благородства.

Белусъ приказалъ проводить сихъ Монарховъ на троны имъ пріуготовленные, для чего не имѣю я трехъ дочерей? сказалъ онъ имъ: я бы сдѣлалъ сего дня шесть человѣкъ щастливыми. Потомъ велѣлъ онъ кидать жеребей, кому первому должно стрѣлять изъ лука Нимвродова. Положили въ золотой шлемъ имена трехъ претендентовъ. Короля Египетскаго вышло первое; потомъ вышло имя Индѣйскаго Короля. Король Скиѳ-

Скиѳскій посмотря на лукъ и своихъ соперниковъ, не тужилъ, что былъ въ третьихъ.

Между тѣмъ, какъ къ симъ славнымъ опытамъ пріуготовленія происходили, двапцать тысячъ пажей и двапцать тысячъ молодыхъ дѣвушекъ подавали безъ замѣшательства закуски зрителямъ сидѣвшимъ по мѣстамъ. Весь народъ думалъ, что боги не для чего другаго владѣльцовъ опредѣляютъ, какъ для составленія ежедневныхъ торжествъ, чрезъ которыя бы можно почерпать увеселеніе, что жизнь чрезвычайно коротка, ежели другимъ образомъ препровождаема будетъ, что тяжбы, ухищренія, война, споры жрецовъ, снѣдающіе жизнь человѣческую, суть дѣла гнусныя и ужасныя; что человѣкъ рожденъ только для радости; что не любилъ бы увеселенія страстно и безпрестанно, естьли бы онъ не былъ къ тому рожденъ; что сущность человѣ-

ческой природы состоитъ въ наслажденіи веселія, и что проче все глупость.

По начатіи сихъ опытовъ, которые должны были рѣшить судьбину формозанты, молодой чужестранецъ, ѣдущій верьхомъ на единорогѣ въ провожаніи своего слуги на единорогѣ же, держащаго на рукѣ великую птицу, подъѣхалъ къ лобному мѣсту. Караульные удивились, увидя въ семъ экипажѣ человѣка, имѣющаго видъ божества. Это было, какъ послѣ говорили, лице Адонисово на тѣлѣ Геркулесовомъ, величество съ пріятнымъ видомъ. Брови его черныя и бѣлые длинные волосы, смѣшеніе красоты неизвѣстной въ Вавилонѣ, удивили собраніе: весь амфитеатръ поднялся, чтобъ его лучше осмотрѣть, всѣ придворныя дамы устремили на него взоры свои съ великимъ удивленіемъ. формозанта сама потупившая до сего време-

ме-

мени глаза, подняла оные и закраснѣлась: три Короля поблѣднѣли: всѣ зрители, сравнивая формозанту съ симъ чужестранцемъ, вскричали, что нѣтъ въ свѣтѣ кромѣ сего молодаго человѣка, которой былъ бы толь пригожъ, какъ Принцесса.

Притворники въ превеликомъ удивленіи спрашивали его, Король ли онъ? Чужестранецъ отвѣчалъ имъ, что онъ сей чести не имѣетъ, но что онъ пріѣхалъ изъ весьма дальней страны изъ любопытства, чтобъ посмотрѣть, есть ли Короли достойные формозанты. Ввели его въ первое мѣсто амфитеатра, слугу его, двухъ единороговъ и птицу. Онъ поклонился весьма низко Белусу, дочерѣ его, тремъ Королямъ и всему собранію. Потомъ сѣлъ на мѣсто закраснѣвшись. Два единорога легли у его ногъ, птица сѣла ему на плечо, а слуга,

имѣя при себѣ не большой мѣшокъ, сталъ по сторону его.

Опыты начались, выняли изъ золотаго ковчега лукъ Нимвродовъ. Оберъ - Церемонiймейстеръ въ провожанiи пятидесяти пажей, предшествуемъ двадцатью трубачами, поднесъ его Королю Египетскому, которой велѣлъ его благословить своимъ жрецамъ, и положа на голову быку Апису, не сумнѣвался, чтобъ не имѣть сей первой побѣды. Вышелъ посреди лобнаго мѣста, началъ пробовать, истощилъ свои силы, и дѣлалъ такiя тѣлодвиженiя, которыя привели въ смѣхъ весь амфитеатръ, и заставили улыбнуться и Формозанту.

Главной его жрецъ подошедъ къ нему сказалъ: оставьте, Ваше Величество, тщетную сiю честь принадлежащую только мышкамъ и становымъ жиламъ: впрочемъ совсѣмъ Вы побѣдите. Вы управитесь со львомъ, по тому что и-

имѣете саблю Озириса. Принцесса Вавилонская должна принадлежать Государю, одаренному наибольшимъ разумомъ, а Вы отгадали загадки. Она должна выйти замужъ за наидобродѣтельнѣйшаго, а Вы таковъ есть, по тому что были воспитаны Египетскими жрецами. Наищедрѣйшїй долженъ ее имѣть, а Вы подарили двухъ наилучшихъ крокодиловъ и крысъ изо всего Делта. Вы имѣете быка Аписа и книги Гермесовы, наибольшїя рѣдкости въ свѣтѣ. Никто не можетъ Вамъ оспорить формозанты. Ты правду говоришь, сказалъ Король Египетскїй, и возвратился на свой тронъ.

Подали лукъ Королю Индѣйскому. Онъ натеръ себѣ отъ онаго мозоли, которые въ двѣ недѣли не сойдутъ, и утѣшался въ мысляхъ своихъ тѣмъ, что и Король Скиѳскїй не больше его будетъ имѣть щастїя.

Король Скиѳскій взялся совсѣмъ иначе за лукъ. Онъ соединилъ искусство съ силою, оной нѣсколько натянулъ, но не могъ его совсѣмъ спустить. Амфитеатръ, коему хорошій видъ сего Государя вливалъ склонныя къ нему мысли, воздыхалъ о маломъ его успѣхѣ, и разсуждалъ, что прекрасная Принцесса никогда не будетъ выдана.

Тогда молодой чужестранецъ тотчасъ вышелъ посреди лобнаго мѣста, и подступя къ Королю Скиѳскому, сказалъ: не удивляйтесь, Ваше Величество, что Вы совершенной удачи не имѣли, такіе Эбеновые луки дѣлаются въ моей землѣ. Надобно только знать, какъ ихъ употреблять. Вы имѣете гораздо больше достоинства, что могли его натянуть, нежели какъ я могу имѣть, чтобъ его спустить. Тотчасъ взялъ онъ стрѣлу, направилъ на тетиву, натянулъ лукъ Нимвродовъ, и пустилъ

стилЪ стрѣлу гораздо далѣе лобнаго мѣста. Всѣ ударили ему въ ладоши. ВавилонЪ наполнился радостными восклицаніями, и всѣ дамы сказали: какое щастіе, что толь пригожій молодой человѣкЪ имѣетЪ такую силу!

ПотомЪ вынялЪ онЪ изЪ кармана маленькую дощечку сдѣланную изЪ слоновыхЪ костей, написавЪ на ней золотою иглою, привязалЪ ее кЪ луку, и все оное поднесЪ Принцессѣ сЪ видомЪ увеселяющимЪ всѣхЪ присутствующихЪ. ПотомЪ сЪ постояннымЪ видомЪ возвратяся, сѣлЪ на своемЪ мѣстѣ между птицею своею и слугою. Весь ВавилонЪ былЪ вЪ удивленіи; три же Короля были вЪ великомЪ смущеніи, а чужестранецЪ оказывалЪ видЪ, какЪ будто бы онЪ сего совсѣмЪ и не примѣтилЪ.

Формозанта еще больше удивилась, прочтя на дощечкѣ, изЪ слоновыхЪ костей привязанной кЪ лу-

луку сіи стихи, писанные самымъ чистымъ Халдейскимъ языкомъ:

Нимвродовъ лукъ войну являетъ,
Лукъ любови щастье предвѣщаетъ;
Вы носите его, чрезъ васъ сей богъ любви
Всей сдѣлался уже властитель онъ земли.
Три сильныхъ Короля хотятъ въ томъ спориться,
Кто будетъ честь имѣть изъ нихъ вамъ нравиться.
Не знаю, кого въ томъ ваше сердце предпочтетъ;
Но знаю, ревность тотъ во свѣтѣ произведетъ.

Сей не большой мадригалъ Принцессѣ не былъ досаденъ. Его опорочивали нѣкоторые господа большаго Двора, говоря, что иногда въ хорошую погоду сравнивали Белуса съ солнцемъ, а Формозанту съ луною, шею ея съ башнею, а грудь съ четверикомъ пшеницы. Они говорили, что чужестранецъ не имѣетъ сово-

обра-

ображенія, и что онъ заблуждается въ правилахъ истиннаго стихотворства; но всѣ дамы находили стихи весьма преизрядными. Они удивлялися, что человѣкъ, пущающій толь хорошо стрѣлы изъ лука, имѣетъ и толь много разума. Знатная Принцессина дама сказала ей: вотъ, милостивая государыня, дарованія въ совершенномъ уронѣ, къ чему будетъ служить сему молодому человѣку его разумъ и лукъ Белусовъ? Чтобъ ему удивлялись, отвѣчала формозанта: Ахъ! сказала дама про себя, еще мадригалъ и онъ можетъ быть любимъ.

Однако Белусъ посовѣтовавъ съ своими мудрецами, объявилъ, что, какъ ни одинъ изъ трехъ Королей не могъ выстрѣлить изъ лука Нимвродова, то и не можетъ быть женатъ на его дочерѣ, и что она будетъ принадлежать тому, которой управится съ большимъ львомъ, коего нарочно для то-

того кормятъ въ его звѣринцѣ. Король Египетскій, будучи воспитанъ во всей премудрости своей земли, почелъ, что весьма смѣшно, чтобъ Король за женидьбу предавался звѣрямъ. Онъ признавался, что обладаніе формозантою великой цѣны стоило; но естьли левъ его раздеретъ, то онъ на сей прекрасной Вавилонкѣ никогда женатъ быть не можетъ. Король Индѣйскій согласился со мнѣніемъ Египтянина; оба вмѣстѣ заключили, что Король Вавилонскій имъ смѣется; что надобно въ наказаніе ему привесть арміи; что они довольно имѣютъ подданныхъ, которые почтутъ себѣ за великую честь, чтобъ умереть въ службѣ своихъ Государей, такъ что ни одинъ волосъ съ освященныхъ ихъ главъ не погибнетъ; что они удобно могутъ ссадить съ престола Короля Вавилонскаго, и потомъ по жеребью взять прекрасную формозанту.

Сіи

Сiи два Короля заключивъ сей договоръ, отправили каждой въ свою землю нарочныхъ съ повелѣнiемъ, чтобъ собрать триста тысячъ человѣкъ армiи, и увесть формозанту.

Одинъ только Король Скиѳскiй сошелъ на лобное мѣсто, имѣя саблю въ рукахъ. Онъ не чрезвычайно былъ плѣненъ прелестьми формозанты; одно честолюбiе было до сего времени его страстiю, оно привело его въ Вавилонъ. Онъ хотѣлъ показать, что хотя Короли Индѣйскiй и Египетскiй и довольно были разумны, что не предали себя на растерзанiе львамъ; однако онъ напротивъ того имѣлъ столько храбрости, что не презрилъ сего сраженiя, и что онъ поправитъ честь дiадимы. Рѣдкое его мужество не дозволило ему и употребить себѣ въ помощь своего тигра. Онъ пошелъ одинъ легко вооруженъ, покрытъ стальнымъ ши-

шишакомъ, оправленнымъ золотомъ, и закрывшись тремя хвостами бѣлыхъ лошадей подобныхъ снѣгу.

Выпустили противъ его прежаснѣйшаго льва, какой только могъ быть выращенъ въ горахъ Антилибанскихъ. Ужасные его когти могли вдругъ растерзать всѣхъ трехъ Королей, а широкой его зѣвъ ихъ проглотить. Страшной его ревъ раздавался по всему амфитеатру. Сіи два гордые соперники одинъ противъ другаго побѣжали. Храброй Скиѳецъ вонзилъ свою саблю въ горло льву, но конецъ уткнувшись въ частые зубы, которые ни чѣмъ проткнуть не можно, съ трескомъ переломился, а чудовище лѣсовъ освирѣпѣвшее отъ своей раны, впустило уже хищные свои когти въ бока Монарха.

Молодой чужестранецъ, будучи тронутъ опасностію толь храбраго Государя, бросился подобно

бно молніи на лобное мѣсто, отсѣкъ льву голову съ такимъ же искусствомъ, съ какимъ въ нашихъ каруселяхъ молодые кавалеры схватываютъ Арапскія головы, или кольцы.

Потомъ вынявъ маленькую коробочку, поднесъ Королю Скиѳскому, сказавъ: Ваше Величество, найдете въ сей коробочкѣ дѣйствительной диктамъ, (*) растущій въ моей землѣ. Славныя ваши раны въ минуту исцѣлѣютъ. Нечаянной только случай препятствовалъ Вамъ побѣдить льва; мужество Ваше чрезъ то не меньше удивительно.

Король Скиѳскій будучи тронутъ больше благодарностію, нежели ревностію, благодарилъ избавителя своего, и съ ласкою его обнявъ, возвратился домой, чтобъ употребить диктамъ къ излеченію своихъ ранъ. Чу-

(*) Трава. Она двоякая, Критская и простая, которая послѣдняя также и ясеннымъ корнемъ называется.

Чужестранецъ отдалъ львову голову своему слугѣ; оной вымывъ ее въ большомъ фонтанѣ, бывшемъ пониже амфитеатра, и давъ стечь всей крови, вынялъ изъ мѣшка своего железо, вырвалъ онымъ всѣ сорокъ зубовъ у льва, и вставилъ вмѣсто ихъ сорокъ алмазовъ равной величины.

Господинъ его съ обыкновеннымъ своимъ постоянствомъ возвратился на свое мѣсто, и отдавъ львову голову птицѣ, сказалъ: Прекрасная птица! повергни къ стопамъ формозанты сей славной знакъ глубочайшаго моего къ ней почтенія. Птица взявъ въ одну изъ своихъ когтей сей славной знакъ побѣды, полетѣла; она поднесла оной Принцессѣ, преклоня съ уничиженіемъ голову, и простершись передъ нею. Алмазы ослѣпили всѣмъ глаза. Не знали еще тогда въ преславномъ Вавилонѣ сего великолѣпія: изумруды, топасы и сапфиры почитались только

ко наивеликолѣпнѣйшими украшеніями. Белусъ и весь Дворъ пришли въ удивленіе, а птица, принесшая сей подарокъ, ихъ еще больше удивила. Она была величиною съ орла, но глаза ея были пріятны и веселы, вмѣсто того, что у орла оные горды и страшны. Носъ ея былъ розоваго цвѣта, и казался имѣть нѣкоторое сходство съ прекраснымъ ртомъ Формозанты. Шея ея представляла всѣ цвѣты Ирисины, но гораздо цвѣтнѣе и живѣе. Золото блистало различными тѣньми на ея перьяхъ. Ноги ея казались смѣшеніемъ серебра и пурпура, а хвостъ прекрасныхъ птицъ, коихъ запрягали потомъ въ колесницу Юноны, не сравнителенъ былъ съ ея хвостомъ.

Примѣчаніе, любопытство, удивленіе, восхищеніе всего Двора, раздѣлялись между алмазами и птицею. Она сѣла на решетку между Белусомъ и дочерью его фор-

формозантою, которая ее приговаривала, гладила и цѣловала. Оная принимала ласки ея съ удовольствїемъ смѣшеннымъ съ почтенїемъ. Когда Принцесса ее цѣловала, то она ей тѣмъ соотвѣтствовала, и смотрѣла на нее потомъ съ жалостнымъ видомъ. Она принимала отъ нее сухари и пистацїи когтями своими пурпуровыми и посеребреными, и приносила ко рту, дѣлая видъ весьма удивленїя достойной.

Белусъ разсматривая съ примѣчанїемъ алмазы, признавался, что онъ цѣлою своею провинцїею едва можетъ заплатить толь богатой подарокъ. Онъ приказалъ приготовить для сего чужестранца подарки драгоцѣннѣйшїе, назначенные для трехъ Монарховъ. Сей молодой человѣкъ, говорилъ онъ, конечно сынъ Короля Китайскаго, или изъ той части свѣта, которую называютъ Европою, и о коей я слыхалъ, или изъ Африки,

ки, о которой сказываютъ, что она въ сосѣдствѣ съ королевствомъ Египетскимъ.

Онъ послалъ тотчасъ своего Оберъ - Шталмейстера съ привѣтствіемъ къ сему чужестранцу, и велѣлъ его спросить: Государь ли онъ, или сынъ какого изъ сихъ имперій Государя, и для чего имѣя толь удивительныя сокровища, пріѣхалъ только съ однимъ слугою и не большимъ мѣшкомъ?

Между тѣмъ, какъ Оберъ-Шталмейстеръ подъѣзжалъ къ амфитеатру, чтобъ исполнить порученное ему дѣло, пріѣхалъ другой слуга на единорогѣ. Оной подъѣхавъ къ молодому человѣку, сказалъ: Ормаръ, вашъ родитель, находится теперь при концѣ своей жизни, и я пріѣхалъ васъ о томъ увѣдомить. Чужестранецъ воззрѣвъ на небо, проливалъ слезы, и отвѣчалъ только сими словами, *поѣдемъ*.

Оберъ - Шталмейстеръ сдѣлавъ присутствіе отъ Белуса побѣдителю льва, подарившему сорокъ алмазовъ, обладателю прекрасной птицы, спросилъ у слуги, котораго государства владѣтель отецъ сего молодаго воина? Слуги отвѣчалъ: отецъ его престарѣлой пастухъ, весьма любимой въ своей странѣ.

Между симъ короткимъ разговоромъ чужестранецъ сѣлъ уже на единорога. Онъ сказалъ Оберъ-Шталмейстеру: Государь мой, удостойте меня повергнуть себя стопамъ Белусовымъ и его дщери. Я осмѣливаюсь ее просить, чтобъ имѣла большее попеченіе объ оставленной мною у нее птицѣ: оная также несравненна, какъ и она. Выговоря сіи слова, пустился онъ подобно молніи; двое слугъ отъ него не отставали, и всѣ тотчасъ изъ виду вонъ вышли.

Формозанта не могла удержаться, чтобъ не произвесть вели-

ликаго крика. Птица оборотясь къ амфитеатру, гдѣ господинъ ея сидѣлъ, весьма казалась быть печальна, что его больше не видитъ. Потомъ посмотря прилѣжно на Принцессу, и касаясь тихо носомъ прекрасной ея руки, оказывала видъ тотъ, что предается ея услугамъ.

Белусъ, пришедшій въ наибольшее удивленіе, услышавъ, что сей молодой человѣкъ толь рѣдкаго достоинства, былъ сынъ пастушей, не могъ сему повѣрить. Онъ послалъ за нимъ въ слѣдъ; но вскорѣ принесли ему извѣстіе, что единороговъ, на коихъ сіи три человѣка скачутъ, ни коимъ образомъ догнать не можно, и что по такой скорости имъ въ день сто миль перескакать должно.

§. 2.

Всѣ разсуждали о семъ чудномъ приключеніи, и всякъ имѣлъ тщетныя о томъ мысли. Какъ

могъ пастушей сынъ подарить сорокъ большихъ алмазовъ? Для чего ѣхалъ онъ верьхомъ на единорогѣ? не могли сего понять, и формозанта ласкаая свою птицу, погружена была въ глубокихъ размышленіяхъ.

Принцесса Алдея, сестра ея двоюродная, весьма пригожая и красотою почти подобна формозантѣ, сказала ей: Я не понимаю, чтобъ сей молодой полубогъ былъ пастушей сынъ; но мнѣ кажется, что онъ исполнилъ всѣ договоры сопряженные съ вашимъ замужствомъ. Онъ выстрѣлилъ изъ лука Нимвродова, онъ побѣдилъ льва, онъ весьма разуменъ, по тому что въ самой скорости изъяснилъ вамъ стихами свое мнѣніе. По драгоцѣннымъ вамъ подареннымъ алмазамъ не можете вы иначе заключить, чтобъ онъ не былъ нащедрѣйшій человѣкъ. Птица его наибольшая рѣдкость на свѣтѣ. Добродѣтель его безпримѣрна, по то-

тому что не смотря на то, что имѣя случай быть съ вами, оставилъ оной, и уѣхалъ какъ скоро только услышалъ о болѣзни своего отца. Оракулъ во всемъ сбылся, исключая только побѣды его соперниковъ; но онъ еще больше сдѣлалъ. Онъ спасъ жизнь изъ нихъ одного, коего ему опасаться было можно; а естьли надобность потребуетъ биться съ двумя другими, то думаю, что онъ съ ними легко управится.

Вы справедливо говорите, отвѣчала формозанта: но возможноль, чтобъ наибольшїй человѣкъ въ свѣтѣ, и можетъ быть наилюбимѣйшїй былъ пастушей сынъ?

Знатнѣйшая Принцессина дама вмѣшавшись въ разговоръ, сказала: что весьма часто подъ словомъ пастуха разумѣлись Короли, что ихъ называли пастухами для того, что они довольно голо стригутъ своихъ овецъ, что конечно

слуга его сшутилъ дурную шутку, что сей молодой воинъ по тому только съ такою малою свитою пріѣхалъ, чтобъ показать, сколь превышаетъ одно его достоинство великолѣпіе Королей, и чтобъ формозанта имъ только однимъ одолженною была. Принцесса ничего на то не отвѣчала, а безпрестанно съ нѣжностію цѣловала свою птицу.

Между тѣмъ пріуготовляемо было великое пиршество для трехъ Королей и для всѣхъ Князей пріѣхавшихъ на празднество. Дочь и племянница Королевскія должны были составлять главную онаго красоту. Поднесли Королямъ подарки достойные великолѣпія Вавилонскаго. Белусъ во время сихъ пріуготовленій собралъ свой совѣтъ для разсужденія о супружествѣ прекрасной формозанты, и говорилъ оному такъ, какъ надобно великому политику слѣдующимъ образомъ:

Я старъ, я не знаю, что мнѣ больше дѣлать, и за кого выдать свою дочь. Тотъ, которой ее достоинъ, простой только пастухъ. Короли Индѣйскій и Египетскій трусы; Король Скиѳскій мнѣ былъ бы и кстати, но онъ не исполнилъ ни одного положеннаго договора. Я иду еще совѣтовать съ оракуломъ; между тѣмъ разсуждайте, и мы по тому и рѣшимъ, что оракулъ скажетъ, для того что Государь долженъ поступать по точному повелѣнію боговъ безсмертныхъ.

И такъ пошелъ онъ въ свою капеллю. Оракулъ по своему обыкновенію отвѣчалъ ему короткими словами: *Дочь твоя не выдетъ прежде за мужъ, пока не будетъ путешествовать по свѣту.* Белусъ въ превеликомъ удивленіи возвращается къ совѣту и сказываетъ сей отвѣтъ:

Всѣ Министры имѣли глубокое почтеніе къ оракуламъ; они

единодушно почитали ихъ основанїемъ закона, и полагали, что разсудокъ долженъ молчать предъ ними; что ими Государи царствуютъ надъ народами, а мудрецы надъ Государями; что безъ оракуловъ не было бы ни добродѣтели, ни покоя на земли. Наконецъ оказавъ имъ наиглубочайшее почтенїе, почти всѣ заключили, что сїе повелѣнїе несносно; что не должно ему повиноваться; что ничто толь не пристойно для дѣвицы, а особливо для дочери великаго Короля Вавилонскаго, чтобъ бѣжать, не зная куда; что сїе можетъ быть дѣйствительнымъ препятствїемъ ея замужству, или способомъ къ супружеству тайному, позорному и смѣшному; однимъ словомъ, заключили они, что сей оракулъ не имѣетъ общаго смысла.

Младшїй изъ Министровъ, называемой Онодазъ, имѣющїй больше ихъ разума, сказалъ, что ора-

оракулъ конечно разумѣетъ нѣкоторое путешествіе изъ благоговѣнія, и для того обязывается онъ быть Принцессѣ предводителемъ. Совѣтъ согласился на его мнѣнія, но всякой хотѣлъ быть проводникомъ. Король рѣшилъ, что Принцесса можетъ ѣхать на триста миль Персидскихъ по дорогѣ къ Аравіи въ храмъ, о коего святости носилась слава, что онъ къ щасливымъ замужствамъ дѣвицамъ помогаетъ, и что старшему изъ совѣта должно быть ея проводникомъ. Послѣ сего рѣшенія пошли ужинать.

§. 3.

Посреди садовъ между двумя каскадами возвышался великой залъ оваломъ на трисща шаговъ въ діаметрѣ, котораго сводъ небесной, испещренной звѣздами золотыми, представлялъ все созвѣздіе съ планетами, каждая въ своемъ настоящемъ мѣстѣ; и сей сводъ

ертѣлся такъ, какъ небо махинами также невидимыми, какъ и тѣ, кои движенïями небесными управляютъ. Сто тысячъ восковыхъ свѣчь въ хрустальныхъ и минеральныхъ цилиндрическихъ фигурахъ освѣщали наружность и внутренность залы. На бюфетѣ съ уступами представлено было двадцать тысячъ сосудовъ или блюдъ золотыхъ, а напротивъ бюфета на другихъ уступахъ сидѣло премножество музыкантовъ. Еще два амфитеатра уставлены были одинъ плодами всякаго рода, другой великими бутылями хрустальными съ винами всѣхъ сортовъ, какïе только есть на свѣтѣ.

Гости сѣли около стола фигурнаго, украшеннаго цвѣтами и плодами сдѣланными изъ дорогихъ каменьевъ. Прекрасная формозанта сидѣла между Королями Индѣйскимъ и Египетскимъ, Принцесса Алдея подлѣ Короля Скиѳскаго. Было тритцать Князей,

и

и каждой изъ нихъ сидѣлъ подлѣ одной изъ прекраснѣйшихъ придворныхъ дамъ. Король Вавилонскій сидѣлъ въ самой срединѣ противъ дочери, и казался быть раздѣленъ между печалію, что не могъ ее выдать за мужъ, и веселіемъ, что еще ее при себѣ имѣетъ. Формозанта просила у него позволенія, чтобъ посадить свою птицу на столѣ подлѣ себя. Король оное съ удовольствіемъ позволилъ.

Музыка заигравшая дала совершенную свободу каждому Государю разговаривать съ своею дамою. Пиршество было столь же пріятно, какъ и великолѣпно. Поставили предъ Формозанту раго, которую Король, ея родитель, весьма любилъ. Принцесса сказала, что должно ее отнесть предъ Его Величество; птица схватила тотчасъ блюдо съ удивительнымъ искусствомъ, и поднесла

ла оное Королю. Никогда ужинъ толь удивителенъ не былъ. Белусъ столько же ее ласкалъ, какъ и дочь его. Птица полетѣла къ ней назадъ. Она на полетѣ распустила свой прекрасной хвостъ; крылья ея распущенныя представляли наилучшіе цвѣты; золотыя ея перья дѣлали такой блескъ, что всѣхъ глаза обратились только на нее. Музыканты переставъ играть, смотрѣли на нее съ изумленіемъ. Никто не ѣлъ и не говорилъ ни слова, а только удивлялся. Принцесса Вавилонская цѣловала ее во время всего ужина, не помышляя совсѣмъ, есть ли Государи на свѣтѣ. Короли Индѣйскій и Египетскій почувствовали умноженіе своей досады и огорченія, и чтобъ тѣмъ скорѣе исполнить свое мщеніе, обѣщали другъ другу поспѣшить маршемъ своихъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ.

Ко-

Король же Скиѳскій напротивъ того упражненъ былъ въ разговорахъ съ прекрасною Алдеею: Будучи надменъ, пренебрегалъ онъ безъ досады холодность формозанты, и оказывалъ къ ней больше безпристрастія, нежели огорченія. Она прекрасна, говорилъ онъ: я признаюся, но она, мнѣ кажется, изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя только помышляютъ о своей красотѣ, и думаютъ, что родъ человѣческій имъ долженъ великою благодарностію, когда они удостоятъ себя публично показать. Въ моей землѣ идоловъ не почитаютъ. Я бы лучше любилъ дурную женщину снисходительную и ласкавую, нежели какъ сію прекрасную статую. Вы имѣете, государыня моя, столько же пріятностей, какъ и она, а удостоиваете иностранныхъ вашего обхожденія. Я вамъ признаюсь откровенно, такъ какъ Скиѳецъ,

что я васъ сестрицѣ вашей предпочитаю. Однако онъ ошибался въ нравѣ формозанты, она не такъ была горда, какъ казалась; но привѣтствіе его весьма изрядно было принято Принцессою Алдеею. Разговоръ ихъ сталъ весьма важенъ: они были чрезвычайно довольны, и уже увѣрены другъ о другѣ, пока еще изъ-за стола не вышли.

Послѣ ужина пошли прогуливаться въ рощи. Король Скиѳскій и Алдея не оставили, чтобъ не сыскать себѣ уединеннаго мѣста. Алдея будучи весьма откровенна, говорила сему Государю слѣдующимъ образомъ:

Я сестру мою ненавижу, хотя она прекраснѣе меня, и назначена для престола Вавилонскаго честь ту, что я Вамъ понравилась, вмѣняю я себѣ вмѣсто прелестей. Я предпочитаю Скиѳское государство съ Вами коронѣ Вавилонской безъ Васъ. Но

сія

сїя корона принадлежитъ мнѣ по правамъ, естьли оныя есть на свѣтѣ, по тому что я происхожу изъ старшей линїи Нимвродовой, а формозанта изъ младшей. Дѣдъ ея ссадилъ моего дѣда съ престола и велѣлъ его умертвить.

Такая-то сила родства въ Королевской фамилїи Вавилонской! сказалъ Скиѳецъ. Какъ назывался вашъ дѣдъ? Онъ назывался Алдей, также какъ и я; отецъ мой имѣлъ такое же имя. Онъ сосланъ былъ въ ссылку съ матерью моею въ наиотдаленнѣйшїй край государства, и Белусъ послѣ ихъ смерти, не имѣя никакой опасности отъ меня, велѣлъ меня воспитать при своей дочерѣ; однако положилъ намѣренїе, чтобъ меня никогда не выдавать за мужъ.

Я хочу отмстить за вашего родителя, дѣда и за васъ, сказалъ Король Скиѳскїй. Я вамъ за то отвѣчаю, что вы будете за му-

мужемъ. Я васъ послѣзавтра на разсвѣтѣ увезу, по тому что завтра съ Королемъ Вавилонскимъ должно обѣдать, и потомъ возвращусь для защищенія вашего права съ тремя стами тысячами человѣкъ арміи. Я сего охотно желаю, сказала прекрасная Алдея, и давъ другъ другу честное слово, разстались.

Прекрасная формозанта давно уже ушла спать. Она велѣла поставить подлѣ своей постели не большое померанцовое дерево въ серебреномъ горшкѣ, для покоя своей птицѣ; и хотя завѣсъ у постели былъ и закрытъ, однако заснуть не могла. Сердце ея и воображеніе довольно были возбуждены. Прекрасной чужестранецъ представлялся ея глазамъ; она воображала себѣ его пускающаго стрѣлу изъ лука Нимвродова; смотрѣла на него, какъ льву голову отсѣкъ; повторяла его мадригалъ; наконецъ взирала на не-

него, какъ онъ изъ кучи верьхомъ на своемъ единорогѣ ускакалъ; и тутъ-то начала испускать тяжкіе вздохи, и вскричала въ слезахъ: и такъ я его никогда не увижу, онъ не возвратится.

Онъ, милостивая Государыня, возвратится, отвѣчала ей птица, сидѣвшая на померанцовомъ деревѣ; можноль, чтобъ васъ увидѣвъ, не желать опять увидѣть?

О небо! О вѣчныя могущества! Птица моя говоритъ самымъ чистымъ Халдейскимъ языкомъ! Выговоря сіи слова, открыла она завѣсъ, подняла къ верьху руки, и стала на постелѣ на колѣна: Богъ ли ты снизшедшій на землю? Великой ли ты Орозмадъ, скрытой подъ сими прекрасными перьями? Естьли ты Богъ, то возврати мнѣ сего молодаго красавца.

Я только летучее созданіе, отвѣчала она; но я родилась въ то время, когда еще всѣ звѣри говори-

рили, и когда птицы, змѣи, ослицы, лошади и грифы съ людьми дружелюбно разговаривали. Я не хотѣла говорить при всѣхъ, опасаясь, чтобъ придворные ваши дамы не почли меня за колдуна: я хочу вамъ только открыться.

Формозанта, пришедшая въ великое смятенїе и смущенїе отъ такихъ чудесъ, побуждена была чрезвычайнымъ желанїемъ, чтобъ вдругъ сдѣлать ей премножество вопросовъ; и такъ тотчасъ спросила ее, сколько ей лѣтъ? двадцать семь тысячъ девять сотъ лѣтъ и шесть мѣсяцовъ, милостивая Государыня; я начинаю мое происхожденїе вмѣстѣ съ малымъ теченїемъ неба, что ваши мудрецы называютъ равноденствїемъ и равнощїемъ, и кое почти въ двадцать восемь тысячъ вашихъ лѣтъ совершается. Есть еще несравненно должайшїя теченїя, и по тому у насъ бываютъ твари гораздо старѣе меня. Двадцать

цать двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ я выучилась по-Халдейски во время одного изъ моихъ путешествій; я всегда имѣла большую склонность къ Халдейскому языку; но другіе звѣри мои сотоварищи отреклись, чтобъ въ вашихъ странахъ не говорить... А для чего это божественная моя птица?.. Ахъ! для того, что люди приняли наконецъ обыкновеніе, чтобъ насъ ѣсть, вмѣсто того, чтобъ съ нами обходиться, и распространять свои знанія въ нашемъ обхожденіи. Варвары, не должны ли они быть увѣрены, что мы имѣемъ тѣ же возможности, какъ и они, тѣ же чувства, тѣ же нужды, тѣ же желанія; мы бы имѣли то же самое, что называется душа, такъ какъ и они; мы были бы ихъ братья, а должно было бы варить и ѣсть только злыхъ? Мы ваши братья по тому, что великое существо, существо вѣчное

чное и основатель въ положенной съ людьми завѣтъ (*) насъ точно включилъ. Онъ запретилъ намъ питаться вашею кровїю, а намъ сосать вашу.

Басни древняго вашего Локмана, переведенныя на многїе языки, будутъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ благополучнаго обхожденїя, которое вы напредь сего съ нами имѣли. Они всѣ начинаются сими словами: *Во время то, какъ звѣри говорили.* Правда, что есть между вами много жёнщинъ, которыя всегда разговариваютъ съ своими собаками, но они вознамѣрились, чтобъ ничего не отвѣтствовать съ того времени, какъ ихъ стали арапниками принуждать, чтобъ бѣгать на охоту, и быть участниками смертоубивства древнихъ нашихъ общихъ прїятелей, оленей, дикихъ козъ, зайцовъ и рябчиковъ. У

(*) Смотри гл. 9. первой книги Моисеевой и главы 3. 18. и 19. Экклесїаста.

У васъ есть еще древнїе стихи, въ которыхъ лошади говорятъ, и кучеры ваши съ ними разговариваютъ всякой день, но съ такою грубостїю, и такими ругательными словами, что лошади, которыя васъ прежде любили, къ вамъ нынѣ отвращенїе имѣютъ.

Земля, въ которой живетъ прекрасной вашъ чужестранецъ, наисовершеннѣйшїй изъ смертныхъ, осталась только одна, въ которой полъ вашъ разумѣетъ еще нашъ полъ любить, и съ нимъ разговаривать, и въ одной только сей странѣ изо всего свѣта люди справедливы.

А гдѣ сїя земля любезнаго моего чужестранца? Какъ зовутъ сего воина? Какъ называется его государство? Я уже больше не повѣрю, чтобъ онъ былъ пастухъ, такъ какъ я не вѣрю, чтобъ ты была летучая мышъ.

Земля его, милостивая Государыня, называется земля Гангаридовъ. Народъ добродѣтельной и непобѣдимой, обитающій на восточныхъ берегахъ Ганги. Имя моего друга Амацанъ; онъ не Король, и я не знаю, захотѣлъ ли бы онъ такъ себя унизить, чтобъ и быть Королемъ; онъ весьма любитъ своихъ одноземцовъ; онъ пастухъ такой же, какъ и они. Но не подумайте, чтобъ сіи пастухи похожи были на вашихъ, которые едва прикрыты раздранными рубищами, пасутъ овецъ несравненно лучше ихъ одѣтыхъ, воздыхаютъ подъ игомъ бѣдности, и удѣляютъ еще собирателю подашей половину малѣйшей платы, получаемой отъ своихъ господъ. Пастухи Гангаридскіе, рожденные въ совершенномъ равенствѣ, обладаютъ стадами безчисленными, покрывающими поля ихъ навсегда цвѣтущія. Ихъ никогда не бьютъ: сіе почитается за ужасной просту-

ступокъ въ Гангаридскихъ странахъ, чтобъ бить и ѣсть равнаго себѣ. Шерсть ихъ, которая гораздо тонѣе и лучше самаго хорошаго шелку, составляетъ наибольшій торгъ въ востокѣ. Впрочемъ земля Гангаридская производитъ все то, что можетъ льстить желаніямъ человѣческимъ. Большіе алмазы, которые Амацанъ имѣлъ честь вамъ поднести, изъ одной горы ему принадлежащей. Такихъ единороговъ, на какомъ вы его видѣли ѣхавшаго верьхомъ, Гангариды обыкновенно для ѣзды употребляютъ. Сей звѣрь наилучшій, наигордѣйшій, наижесточайшій и наисмиреннѣйшій, украшающій землю. Довольно было бы ста Гангаридовъ и ста единороговъ для разбитія безчисленныхъ армій. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, какъ одинъ Индѣйской Король столько былъ глупъ, что захотѣлъ покорить себѣ сей народъ: онъ пришелъ

шелъ съ десятью тысячами слоновъ и съ миліономъ воиновъ. Единороги пронзили слоновъ такъ, какъ я видѣла на столѣ вашемъ жаворонковъ нацѣпленныхъ на золотыхъ вертѣляхъ; а воиновъ посѣкли Гангариды саблями своими, подобно какъ восточные народы посѣкаютъ на поляхъ своихъ растущее пшено сорочинское. Короля взяли въ полонъ болѣе, нежели какъ съ шестью стами тысячами человѣкъ. Омыли его въ цѣлительныхъ водахъ Гангаридскихъ и предписали ему діэту обыкновенную въ сей землѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобъ питаться только произращеніями, кои естество въ изобиліи произвело для насыщенія всего того, что дыханіе имѣетъ. Люди, питающіеся мясомъ и употребляющіе крѣпкіе напитки, всѣ имѣютъ кровь острую и сожженную, которая ихъ дѣлаетъ во многихъ случаяхъ дураками. Главное

ное ихъ дурачество состоитъ въ жестокости, чтобъ проливать кровь своихъ ближнихъ, и раззорять плодоносныя степи, чтобъ обладать погостами. Шесть мѣсяцовъ лечили Индѣйскаго Короля отъ его болѣзни. Какъ лекари наконецъ усмотрѣли, что пульсъ и разсудокъ его стали приходить опять въ порядокъ, то подали они объ ономъ свидѣтельство совѣту Гангаридскому. Оной призвавъ въ согласіе единороговъ, человѣколюбно отослалъ назадъ въ свою землю Короля Индѣйскаго, глупой его придворной штатъ и безсильныхъ воиновъ. Сіе поученіе сдѣлало ихъ разумными, и съ того времени Индѣйцы почитали Гангаридовъ такъ, какъ у васъ ничего еще неумѣющіе и желающіе обучаться, почитаютъ философовъ Халдейскихъ, съ коими они не могутъ сравниться. Скажи мнѣ, любезная моя птица, спросила Принцесса, есть ли какой законъ у Гангаридовъ?

довъ? . . Есть ли законъ? Милостивая Государыня, мы собираемся воздавать благодарность Богу въ дни полной луны; мущины въ большой храмъ кедровой, а женщины въ другой, чтобъ не имѣть разсѣянныхъ мыслей; всѣ птицы въ рощу, а четвероногія на прекрасной зеленой лугъ. Мы благодаримъ Бога за всѣ благодѣянія намъ оказываемыя. Сверьхъ того имѣемъ мы попугаевъ, которые чрезчайно хорошо сказываютъ предики.

Такое - то отечество любезнаго моего Амацана, тамъ то я живу; я столько же имѣю къ нему пріязни, сколько онъ вамъ вперилъ любви. Естьли вы мнѣ въ томъ повѣрите, то мы поѣдемъ вмѣстѣ, и вы ему возвратите посѣщеніе сдѣланное отъ него вамъ.

Ты по справедливости, любезная моя птица, изрядную должность отправляешь, отвѣтствовала Принцесса улыбнувшись, которая горѣла желаніемъ, чтобъ

от-

отправиться въ сей путь, но не хотѣла о томъ вызваться. Я служу моему прїятелю, сказала птица, и по щастїи томъ, чтобъ васъ любитъ, почитаю я за наибольшее, чтобъ способствовать взаимной вашей любви.

Формозанта не знала отъ радости что дѣлать, и почитала себя вознесенною до небесъ. Все, что она въ сей день видѣла, все то, на что еще глядѣла, все то, что слышала, а особливо, что въ сердцѣ своемъ чувствовала, привело ее въ восхищенїе гораздо превосходящее того, которое нынѣ чувствуютъ благополучные Музулманы, когда свободясь отъ земныхъ узъ, видятъ себя въ девятомъ небѣ въ обьятїяхъ своихъ Урисовъ, окруженныхъ и преисполненныхъ славою и благополучїемъ небеснымъ.

§. 4.

Она всю ночь препроводила въ разговорахъ о Амацанѣ. Называ-

вала его не иначе, какъ своимъ пастухомъ; и съ сего-то времени пастухъ и любовникъ начали имѣть у нѣкоторыхъ народовъ всегда равное названіе.

То спрашивала она у птицы, имѣлъ ли Амацанъ другихъ любовницъ? И какъ оная ей отвѣтствовала, что не имѣлъ, то она тому несказанно радовалась. То любопытствовала она, чѣмъ онъ время провождаетъ, и слышала съ великою радостію, что онъ употребляетъ оное, чтобъ дѣлать добро, поправлять искусства, испытывать тайности естества, и приводить въ совершенство свое бытіе. То хотѣла она знать, душа ея птицы такоголь же свойства, какъ и ея любовника, для чего жила она близъ дватцати осьми тысячъ лѣтъ, вмѣсто того, что ея любовнику не болѣе осмнатцати или девятнатцати лѣтъ. Она дѣлала множество сему подобныхъ вопросовъ,

совъ, на которые птица отвѣтствовала съ такою скромностїю, которая оскорбляла ея любопытство, Наконецъ сонъ затворилъ глаза, и повергъ формозанту сладкому воображенїю чрезъ посланныхъ богами, которые иногда и самое дѣйство превосходятъ, и коя вся философїя Халдеевъ едва можетъ истолковать.

формозанта пробудилась весьма поздно. Лишь только она проснулась, какъ Король, ея отецъ, вошелъ къ ней въ покои. Птица приняла Его Величество съ учтивостїю, соединенною съ почтенїемъ, встрѣтила его, била крыльями, протягивала шею, и сѣла на свое померанцовое дерево. Король сѣлъ на постелю своея дочери, которая послѣ сна еще прекраснѣе казалась. Великая его борода коснулась сему прекрасному лицу, и поцѣловавъ его два раза, говорила слѣдующїя слова:

Любезная моя дочь, ты не

могла противъ чаянїя моего найти вчера мужа, однако тебѣ оной надобенъ; благополучїе моего государства того требуетъ. Я совѣтовалъ съ оракуломъ, которой, какъ ты знаешь, никогда не лжетъ, и которой управляетъ всѣ мои поступки. Онъ мнѣ приказалъ, чтобъ пустить тебя ѣздить по свѣту. Надобно тебѣ путешествовать. . . Ахъ! конечно къ Гангаридамъ, сказала Принцесса: и выговоря нечаянно сїи слова, спохватилась, что дурно сказала. Король, не зная совсѣмъ Географїи, спросилъ ее, что она чрезъ Гангаридовъ разумѣетъ? Однако она нашла способъ себя поправить. Король увѣдомилъ ее, что должно ей отправиться въ путь для моленїя, что онъ уже назначилъ особъ къ ея препровожденїю: старшаго изъ государственныхъ членовъ, главнаго жреца, придворную даму, лекаря, аптекаря и птицу ея съ пристойнымъ числомъ служителей.

формозанта, которая никогда изъ покоевъ Короля, своего родителя, не выходила, и которая до пріѣзда трехъ Королей и Амазана вела жизнь весьма принужденную въ предѣлахъ великолѣпія и въ внѣшнемъ видѣ веселостей, обрадовалась услыша о своемъ путешествіи. Можетъ быть, помышляла она, боги вліяютъ и любезному моему Гангариду то же желаніе, чтобъ ѣхать въ тотъ же храмъ, и можетъ быть я буду имѣть щастіе, видѣвъ сего странствующаго? Она весьма ласковымъ образомъ благодарила родителя своего, сказавъ ему, что она всегда имѣла тайное почтеніе къ сему святому, къ которому ее посылаютъ.

Белусъ сдѣлалъ великолѣпной обѣдъ для своихъ гостей, на которомъ были только мущины, и всѣ люди между собою весьма несогласные; Короли, Князья, Министры, знатнѣйшее духовен-

ство, всѣ были наполнены ревностїю одинъ противъ другаго: всѣ говорили съ разборомъ, всѣ заботились о своихъ сосѣдяхъ и о самихъ себѣ. Обѣдъ былъ скученъ, хотя и много пили. Принцессы остались въ своихъ покояхъ, будучи каждая изъ нихъ въ мысляхъ о своемъ отъѣздѣ и кушали особливо. Потомъ пошла Формозанта гулять въ сада съ любезною своею птицею, которая для увеселенїя ея съ дерева на дерево перелетывала, распущая свой прекрасной хвостъ и прелестныя свои перья.

Король Египетскїй разгорячась виномъ, я не хочу сказать, напившись, спросилъ лука и стрѣлъ у своего пажа. Сей Государь въ самомъ дѣлѣ былъ наинеискуснѣйшїй стрѣлокъ въ своемъ государствѣ. Естьли онъ въ цѣль стрѣлялъ, то мѣсто, въ которомъ чаешь быть наибольше въ безопасности, было точно то, на которое онъ цѣлилъ. Прекрасная же птица летая толь

же

же быстро, какъ и стрѣла, сама на нее налетѣла , и совсѣмъ окровавленна упала въ руки формозанты. Египтянинъ глупымъ смѣхомъ засмѣявшись, возвратился въ свои покои. Принцесса начала преужасной крикъ и вопль и била себя въ грудь. Птица умирая , тихо ей сказала: сожги мени и пепелъ мой непремѣнно отвези къ щасшливой Аравїи къ востоку древняго города Едема, и пост ь его на солнце на не большой костеръ изъ гвоздики и корицы. Выговоря сїи слова, она умерла. формозанта лежала долгое время въ обморокѣ; и хотя наконецъ и пришла опять въ чувство, но испускала безпрестанно вздохи и проливала слезы. Родитель дѣля ея печаль, и кленя Короля Египетскаго, не сумнѣвался, чтобъ сей случай не предвѣщалъ впредь какого нещасшливаго слѣдствїя. Онъ тотчасъ пошелъ въ свою капеллю совѣтовать съ оракуломъ

Оракулъ отвѣчалъ: *Смѣшенїе всего, смерть живая, невѣрность и постоянство, уронъ и прибыль, нещастїя и благополучїе.* Ни онъ, ни совѣтъ его не могли изъ сего ничего понять; но наконецъ былъ онъ доволенъ тѣмъ, что исполнилъ должности своего благоговѣнїя.

Рыдающая его дочь во время то, какъ онъ совѣтовалъ съ оракуломъ, велѣла птицѣ оказать послѣднюю честь такъ, какъ она приказывала, и вознамѣрилась, чтобъ свезти ее въ Аравїю, хотябы и жизнь свою опасности подвергла. Она сожжена была и съ померанцовымъ деревомъ, на которомъ сидѣла, въ незгараемомъ полотнѣ. Принцесса собрала пепелъ ея въ не большой золотой сосудъ, осыпанной карбункулами и алмазами, вынятыми изъ челюстей львовыхъ. Для чего не могла она, вмѣсто того, чтобъ исполнить сїю жалостную должность,

жность, совсѣмъ живаго зжечь несноснѣйшаго Короля Египепіскаго! Вошъ въ чемъ все ея желаніе состояло. Въ огорченіи своемъ велѣла она убишь двухъ его крокодиловъ, морскихъ лошадей и крысъ, а двѣ его муміи велѣла бросишь въ Эвфрашъ; естьли бы она вола его Аписа имѣла въ своей власпи, що бы и онаго не пощадила.

Король Египетскій, будучи тронутъ симъ поруганіемъ, тотчасъ поѣхалъ, чтобъ приказать поспѣшать своимъ тремъ стамъ тысячамъ человѣкамъ. Король Индѣйскій, видя скорой отъѣздъ своего союзника, поѣхалъ и самъ того же дня въ непремѣнномъ намѣреніи, чтобъ соединить свои тристта тысячъ человѣкъ Индѣйцовъ съ арміею Египетскою. Король Скиѳскій уѣхалъ ночью съ Принцессою Алдеею, твердо вознамѣрясь, чтобъ приступя съ тремя

мя стами тысячами Скиѳовъ, за нее биться и возвратить ей наслѣдство Вавилонское, принадлежащее по происхожденію ея изъ старшей линіи.

Формозанта съ своей стороны отправилась въ три часа поутру съ свитою своею въ путешествіе для моленія, льстясь, что она можетъ быть и въ Аравіи, чтобъ исполнить послѣднюю волю своей птицы, и что справедливость безсмертныхъ боговъ возвратитъ ей любезнаго ея Амазана, безъ котораго она болѣе жить не могла.

И такъ Король Вавилонскій проснувшись никого уже не нашелъ. Какъ только оканчиваются великія празднества! сказалъ онъ, и какъ оставляютъ они по себѣ пустое удивленіе въ мысляхъ, когда шумъ произойдетъ! Но онъ подвигнутъ былъ на гнѣвъ дѣйствительно Королевскій, увѣдомясь, что увезли Принцессу Алдею.

дею. Онъ приказалъ разбудить всѣхъ своихъ Министровъ и собрать совѣтъ. Во ожиданіи ихъ не оставилъ онъ, чтобъ не посовѣтовать съ своимъ оракуломъ, но не могъ отъ него инаго отвѣта получить, кромѣ сихъ словъ, толь славныхъ напослѣдокъ во всемъ свѣтѣ: *Когда дѣвицъ не выдашъ за мужъ, то они сами за мужъ выдутъ.*

Тотчасъ отданъ былъ приказъ, чтобъ выступить въ маршъ тремъ стамъ тысячамъ человѣкамъ противъ Короля Скиѳскаго. Вотъ война наижесточайшая, загорѣвшаяся со всѣхъ сторонъ, происшедшая отъ увеселенія наилучшаго празднества, каковы бывали на землѣ. Азія готовится быть опустошена четырьмя арміями, состоящими каждая изъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Можно лехко понять, что война Троянская, удивляющая свѣтъ нѣсколь-

ко вѣковъ послѣ того въ сравненіи сей, ничто иное была, какъ дѣтская игра; но должно также разсудить, что война Троянская произошла только отъ престарѣлой женщины весьма своевольной, которая позволила себя увезть два раза, а сія напротивъ того отъ двухъ дѣвицъ и отъ одной птицы.

Король Индѣйскій поѣхалъ дожидаться своей арміи на большой и преизрядной дорогѣ, пролегаемой тогда прямо отъ Вавилона въ Кашемиру. Король Скиѳскій бѣжалъ съ Алдеею прекраснымъ путемъ, ведущимъ къ горѣ Иммаусъ. Всѣ сіи дороги потомъ пропали чрезъ дурное правленіе. Король Египетскій обратился къ западу, и продолжалъ путь свой по берегу малаго моря Средиземнаго, которое потомъ несмысленные Евреи великимъ моремъ назвали.

Пре-

Прекрасная же формозанта ѣхала по дорогѣ къ Бассорѣ, усаженной высокими пальмовыми деревьями, которыя дѣлали безпрестанную тѣнь, и произносили плоды во всѣ времена года. Храмъ, куда она для моленія ѣхала, былъ въ самой Бассорѣ; святой, которому сей храмъ посвятили, почти былъ равенъ боготворенному потомъ въ Лампзакѣ. Онъ не токмо доставлялъ мужей дѣвицамъ, но и самъ часто бывалъ вмѣсто мужа. Сего святаго во всей Ассіи наиболь-ше почитали.

формозанта ни мало не пеклась о святомъ Бассорскомъ; она призывала только любезнаго своего пастуха Гангаридскаго, прекраснаго своего Амацана; вознамѣрилась сѣсть въ Бассорѣ на корабль, и ѣхать въ щастливую Аравію, чтобъ исполнить повелѣнное умершею птицею.

На третьемъ ночномъ ночлегѣ, лишь только вошла она въ

тра-

трактиръ, въ которомъ служителями ея все для ее было приготовлено, какъ она увѣдомилась, что и Король Египетскій туда же пріѣхалъ. Будучи увѣдомленъ о путешествіи Принцессиномъ чрезъ своихъ шпіоновъ, истотчасъ перемѣнилъ свой путь въ провожаніи многочисленнаго прикрытія. Пріѣхавъ велѣлъ онъ поставить часовыхъ у всѣхъ воротъ, вошелъ въ покой прекрасной Формозанты, и сказалъ ей: Государыня моя, васъ то я дѣйствительно и искалъ; вы въ бытность мою въ Вавилонѣ весьма мало обо мнѣ думали. Справедливость требуетъ, чтобъ наказывать спесивыхъ и упрямыхъ: пожалуйте, естьли вамъ угодно, отужинайте сего вечера со мною. Вы не будете имѣть иной постели, кромѣ моей, и я буду поступать съ вами по моему удовольствію.

Формозанта довольно могла видѣть, что она противъ его была

ла безсильна: она знала, что здравой разсудокъ состоитъ въ томъ, чтобъ поступать по своему состоянію. И такъ взяла мѣры, чтобъ свободиться отъ Короля Египетскаго невинною хитростію. Она посмотря на него нѣсколько покосившись, что многіе вѣки потомъ назывались смотрѣть любовнымъ взоромъ, (*) начала ему съ цѣломудріемъ, пріятностію, ласкою, смущеніемъ, и съ такою прелестію, которая наиразумнѣйшаго сдѣлала бы дуракомъ, и наипрозорливѣйшаго бы ослѣпила, говорить слѣдующія слова:

Я Вамъ, государь мой, признаюсь, что предъ Вами всегда потупляла глаза, когда Вы сдѣлали честь Королю, моему родителю, Вашимъ къ нему пріѣздомъ. Я опасалась моего сердца и сущей моей простоты; я тряслась, чтобъ мой родитель и Ваши соперники не примѣтили предпочтенія, которое

(*) lorgnez.

Вы столь много заслуживаете. Я теперь могу предаться моимъ чувствамъ. Божусь воломъ Аписомъ, котораго послѣ Васъ больше всего на свѣтѣ почитаю, что Ваши требованія меня чрезвычайно плѣнили. Я уже ужинала съ Вами у Короля, моего родителя; буду также ужинать и здѣсь, хотя его и нѣтъ съ нами. Все то, о чемъ я Васъ прошу, чтобъ Вашъ главной жрецъ пилъ съ нами: Онъ показался мнѣ въ Вавилонѣ весьма хорошимъ гостемъ; я имѣю преизрядное Хиражское вино, и хочу Васъ обѣихъ онымъ попотчивать. Что принадлежитъ до Вашего втораго требованія, то оное весьма прелестно, но не прилично дѣвицѣ хорошаго воспитанія объ ономъ говорить: довольно, когда Вы будете знать, что я Васъ почитаю наибольшимъ изъ Государей и наилюбезнѣйшимъ изъ людей.

Сія рѣчь весьма тронула Короля Египетскаго. Онъ съ охо-

тою желалъ, чтобъ главной жрецъ былъ также участникомъ. Я еще хочу просить у Васъ милости, сказала ему Принцесса, чтобъ позволить моему аптекарю со мною поговорить. Дѣвицы имѣютъ всегда нѣкоторые не большїе припадки, требующїе помощи, какъ: дурноты въ головѣ, бїенїе сердца, колики, удушья, отъ которыхъ должно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ извѣстныя лекарства употреблять, словомъ: я имѣю необходимую нужду въ моемъ аптекарѣ, и надѣюсь, что Вы мнѣ не откажете сего малаго знака Вашей любви.

Государыня моя, отвѣчалъ ей Король Египетскїй: хотя намѣренїя аптекарскаго искусства и совсѣмъ противны моему, однако я довольно свѣтъ знаю, чтобъ вамъ въ толь справедливой прозьбѣ отказать. Я тотчасъ прикажу ему къ вамъ быть между тѣмъ, пока ужинъ готовятъ. Я разумѣю,

что

что вы отъ дороги нѣсколько обезпокоились, думаю также, что вамъ есть надобность и въ придворныхъ вашихъ дамахъ. Вы можете приказать быть той, отъ которой больше себѣ услуги надѣетесь; а я между тѣмъ буду ожидать вашихъ повелѣнiй и вашего покоя. Онъ вышелъ, аптекарь и придворная дама, именемъ Ирла, пришли. Принцесса имѣла къ ней совершенную довѣренность. Она ей приказала принесть шесть бутылокъ Хиражскаго вина къ ужину, и поднесть онаго всѣмъ часовымъ, у которыхъ ея служители были подъ карауломъ; потомъ велѣла она аптекарю положить во всѣ бутылки такихъ лекарствъ изъ его аптеки, отъ которыхъ сутки спать должно, и коими всегда онъ былъ снабдѣнъ. Сiе повелѣнiе совершенно было исполнено. Черезъ полчаса пришелъ опять Король съ главнымъ жрецомъ. Ужинъ былъ весьма веселъ;

селЂ; они оба выпили всѣ шесть бутылокЂ, и признавались, что не было толь хорошаго вина вЂ Египтѣ. Придворная дама употребила стараніе, чтобЂ поднесть онаго и лакеямЂ, бывшимЂ при столѣ для услуженія. ПринцессажЂ крайнѣ опасалась, чтобЂ онаго не пить, сказывая, что лекарь ей велѣлЂ наблюдать діэтЂ. Всѣ скоро заснули.

Главной жрецЂ Короля Египетскаго имѣлЂ наилучшую бороду, которую только человѣкЂ такого рода носить могЂ. формозанта ея весьма искуснымЂ образомЂ отрѣзала, и пришивЂ на ленточку, привязала кЂ своему подбородку. Она надѣла на себя платье сей духовной особы, взяла всѣ знаки его достоинства, одѣла свою придворную даму вЂ платье дьячка Богини ИзисЂ. ПотомЂ взявЂ свой сосудЂ и алмазныя вещи, пошла изЂ трактира мимо часовыхЂ, которые спали также,

какЂ

какъ и Государь ихъ. Придворная дама постаралась изготовить у воротъ двѣ лошади. Принцесса не могла никого больше взять изъ своей свиты, опасаясь, чтобъ главной караулъ ее не остановилъ.

Формозанта и Ирла ѣхали прямо мимо солдатъ, которые почитая Принцессу за главнаго ихъ жреца, называли ее честнѣйшимъ служителемъ божїимъ, и просили у нее благословенїя. Они въ сутки прїѣхали въ Бассору, прежде нежели какъ Король проснулся. Тутъ скинули они съ себя свое одѣянїе, которое бы могло ихъ привесть въ подозрѣнїе; наняли тотчасъ корабль, на коемъ чрезъ устье Ормусъ приплыли на прекрасной берегъ Едема къ щастливой Аравїи. Сей былъ тотъ самой Едемъ, коего сада толь были славны, что изъ оныхъ сдѣлано потомъ жилище праведныхъ. Они были образцомъ Елисейскихъ поль, садовъ Гесперидскихъ и щастли-

выхъ островов, по тому что въ сихъ теплыхъ странахъ люди не воображали себѣ большаго блаженства, какъ тѣней и журчанїй водъ. Жить безпрестанно на небесахъ съ высочайшимъ существомъ, или итти прогуливаться въ садъ. Въ раю было то же самое для людей, которые всегда говорятъ не разумѣя другъ друга, и кои еще не могутъ имѣть чистыхъ понятїй и дѣйствительныхъ выраженїй.

Какъ скоро Принцесса прїѣхала въ сїю землю, то первое ея старанїе было, чтобъ отдать любезной своей птицѣ послѣднюю честь, требуемую ею отъ нее. Прекрасныя ея руки сдѣлали маленькой костеръ изъ гвоздики и корицы. Какое было ея удивленїе, какъ она, высыпавъ пепелъ птицы на сей костеръ, увидѣла, что оной самъ собою загорѣлся. Все тотчасъ сгорѣло. Вмѣсто пепла показалось только большое я-

яицо, изъ котораго птица ея вышла несравненно прекраснѣе прежняго. Сія минута была наипріятнѣйшая, которую Принцесса во всю свою жизнь имѣла. Могла бы ей еще одна быть и пріятнѣе, но она оной больше желала, нежели надѣялась.

Я вижу, сказала она птицѣ, что ты фениксъ, о которомъ мнѣ много разъ сказывали. Я готова умереть отъ удивленія и радости. Я не вѣрила воскресенію мертвыхъ, но щастіе мое меня въ томъ увѣрило. Воскресеніе, милостивая Государыня, сказалъ ей фениксъ, есть вещь на свѣтѣ наиобыкновеннѣйшая. Не удивительно уже больше, чтобъ два раза переродиться. Все можетъ почесться воскресеніемъ на семъ свѣтѣ. Черви перераживаются въ бабочки, желудокъ, посажденной въ землю, въ дерево. Всѣ животныя, зарываемыя въ нѣдро земное, произрастаютъ въ травы,

вы, въ произращенія, и питаютъ другихъ животныхъ, которыхъ они въ тотъ же часъ составляютъ часть ихъ бытія. Всѣ частицы, составляющія тѣла, превращены въ различныя существа. Правда, что я одинъ, коему мощной Орозмадъ оказалъ милость, что превратилъ въ прежнее его существо.

Формозанта, препровождающая съ самаго того дня, какъ она въ первой разъ увидѣла Амацана и феникса, все время въ удивленіи, сказала ему: я довольно понимаю, что высочайшее существо могло изъ твоего пепла произвесть феникса, подобнаго тебѣ; но чтобъ ты былъ самой тотъ же, и имѣлъ бы ту же самую душу того. Я признаюсь, ясно не понимаю, что была твоя душа въ то время, какъ я тебя носила въ моемъ карманѣ послѣ твоей смерти?

О боже мой! не толь же ли лехко, милостивая государыня, великому Орозмаду, чтобъ продолжить свое дѣйствїе на самую малую искру меня самаго, какъ начать сїе дѣйствїе? Онъ мнѣ сперва влїялъ чувство, память, и мысли; онъ мнѣ еще и теперь оныя даруетъ: но удѣлилъ ли онъ сїю милость самомалѣйшей частицѣ элементарическаго огня, скрытаго во мнѣ, или собранїе моихъ дѣйствїй, то въ настоящемъ дѣлѣ ничего не значитъ. Фениксы и люди никогда не будутъ знать, какъ сїе происходитъ; но наибольшая милость, оказанная мнѣ высочайшимъ существомъ, состоитъ въ томъ, что оно меня оживило для васъ. Для чего не могу я препроводить двантцати осьми тысячь лѣтъ, остающихся къ житїю моему до будущаго моего воскресенїя съ вами и съ любезнымъ моимъ Амацаномъ!

Лю-

Любезной мой фениксъ, отвѣчала ему Принцесса: вспомни, что первыя твои слова, говоренныя мнѣ тобою въ Вавилонѣ, которыхъ я никогда не забуду, льстили меня надеждою, чтобъ увидѣть того любезнаго пастуха, котораго я боготворю; неотмѣнно надобно намъ обѣимъ вмѣстѣ ѣхать къ Гангаридамъ, и привезти его съ собою въ Вавилонъ. Сїе - то и есть мое намѣренїе, сказалъ фениксъ: не должно терять напрасно ни минуты, надобно искать Амазана самою кратчайшею дорогою, то есть, чрезъ воздухъ. Есть въ щастливой Аравїи два грифа, мои искреннїе прїятели, которые живутъ отсюда только сто пятдесятъ миль. Я отпишу къ нимъ по почтѣ на голубяхъ; они еще до ночи сюда будутъ. Мы будемъ имѣть время, чтобъ вамъ сдѣлать не большое канапе, покойное, съ ящиками, въ которыя можно положить

для васъ съѣстные припасы. Вамъ и съ придворною вашею дамою въ семъ дорожнемъ экипажѣ сидѣть весьма будетъ покойно. Сіи два грифа наисильнѣйшіе въ своемъ родѣ; каждой изъ нихъ будетъ держать край канапе въ своихъ кохтяхъ; но я еще говорю, время весьма дорого. Онъ пошелъ тотчасъ съ формозантою, и заказалъ сдѣлать канапе обойщику, которой ему былъ знакомъ. Оное поспѣло въ четыре часа. Положили въ ящики булокъ, цукерброту лучшаго, нежели Вавилонской; цитроновъ, ананасовъ, кокосовыхъ орѣховъ, пистацїи и Едемскаго вина, превосходнаго противъ Хиражскаго, такъ какъ Хиражское противъ Сюренскаго.

Канапе было столь лехко, сколько покойно и крѣпко. Два грифа прилетѣли въ Едемъ въ назначенное время. формозанта и Ирла сѣли на сїю свою воздушную колесницу. Грифы подняли

ихъ какъ перо. фениксъ то летѣлъ подлѣ ихъ, то садился на ту сторону канапе, къ которой спиною облокачиваются. Грифы летѣли къ Гангаридамъ съ такою скоростію, какъ стрѣла, пущенная изъ лука, просѣкаетъ воздухъ. Отдыхали только ночью нѣсколько минутъ для насыщенія пищею, и чтобъ дать напиться двумъ воздушнымъ почталіонамъ.

Наконецъ прилетѣли къ Гангаридамъ. Сердце Принцессино трепетало отъ надежды, любви и радости. фениксъ велѣлъ остановиться у дому Амазанова. Онъ хотѣлъ съ нимъ видѣться, но уже три часа прошло, какъ Амазанъ уѣхалъ, и никто не вѣдалъ куда.

Нѣтъ выраженія и на самомъ Гангаридскомъ языкѣ, кои бы могли изобразить отчаяніе, какимъ формозанта была обьята. Ахъ! вотъ чего я опасался, сказалъ фениксъ: три часа, препро-

вожденные вами въ трактирѣ на дорогѣ къ Бассорѣ съ нещастнымъ Королемъ Египетскимъ, можетъ быть лишили васъ на вѣкъ благополучїя вашей жизни. Я боюсь, чтобъ мы невозвратно не потеряли Амацана.

Потомъ спросилъ онъ служителей, можно ли видѣть его родительницу? Они отвѣчали, что третьяго дня супругъ ея скончался, и для того она никого къ себѣ не допускаетъ. фениксъ имѣя довольной доступъ въ домѣ, ввелъ Принцессу Вавилонскую въ большой залъ, въ которомъ стѣны оклеены были померанцовымъ деревомъ, и украшенъ фигурами изъ слоновыхъ костей. Подвластные пастухи и пастушки, одѣтые въ долгїя бѣлыя платья, расцвѣченныя авроровыми цвѣтами, поднесли ей во стѣ корзинахъ изъ простаго фарфору сто деликатныхъ кушаньевъ, между которыми не было ни одного изъ у-

убитаго звѣря, которому искуснымъ пріуготовленіемъ даютъ иной видъ; но оныя состояли изъ сорочинскаго пшена, лапши, макероновъ, яишницъ, сыру, сливокъ, разнаго хлѣбеннаго садовыхъ овощей, плодовъ такого благовонія и вкуса, о которыхъ въ другихъ странахъ совсѣмъ и понятія не имѣютъ: было притомъ и изобиліе ликеровъ, превосходящихъ наилучшія вина.

Во время то, какъ Принцесса кушала лежащая на постелѣ изъ розановъ, четыре павлина, по щастію безгласныхъ, обмахивали ее прекрасными своими хвостами, двѣсти птицъ. Сто пастуховъ и сто пастушекъ составляли концертъ на два хора; соловьи, чижики, комары, зяблицы пѣли подъ голосъ съ пастушками дишкантомъ; пастухи пѣли альта и баса: вездѣ являлось прекрасное и простое естество. Принцесса признавалась, что хотя въ Вави-

лонѢ и больше великолѢпія, однако простота у Гангаридовъ несравненно была пріятнѢе; но во время то, какъ играла сія музыка, толь увеселительная и прелестная, проливала она слезы, говоря молодой ИрлѢ, своей придворной дамѢ: сіи пастухи и пастушки, соловьи и чижики изъявляютъ другъ другу свою любовь; а я лишенна воина Гангаридскаго, достойнаго предмета моихъ наинѢжнѢйшихъ и наинетерпѢливѢйшихъ желаній.

Во время продолженія стола, удивленія и слезъ Принцессиныхъ, фениксъ говорилъ матерѢ Амазановой: вы не можете, милостивая государыня, того оставить, чтобъ не увидѢться съ Принцессою Вавилонскою; вы знаете . . . . Я знаю все, сказала она, и то самое, что ей въ тракпирѢ на дорогѢ къ БассорѢ приключилось. Сего утра дроздъ мнѢ все расказалъ; и сей - то жестокой дроздъ причиною, что мой сынъ

изъ

изъ отчаянія вошелъ въ такое дурачество и оставилъ родительской домъ. И такъ вы не знаете, спросилъ фениксъ, что Принцесса меня воскресила? Нѣтъ, любезное дитя: я узнала отъ дрозда, что ты умеръ, и была отъ того не утѣшна. Лишеніе тебя, смерть моего мужа, и скорой отъѣздъ сына моего, толь меня опечалили, что я не велѣла никого къ себѣ допускать. Но какъ Принцесса Вавилонская сдѣлала мнѣ честь своимъ пріѣздомъ, то введи ее ко мнѣ поскорѣе, я имѣю ей раскавать весьма важное дѣло, и хочу, чтобъ и ты тутъ же былъ. Она пошла тотчасъ въ другой залъ. На встрѣчу Принцессѣ шла съ трудностію по тому, что уже имѣла себѣ отъ роду близъ трехъ сотъ лѣтъ; однако остатки ея красоты были еще видны, и можно было примѣтить, что во время двухъ сотъ тритцати и до сорока лѣтъ она была прекрасна;

 при-

приняла формозанту благороднымъ и почтеннымъ образомъ, оказывая видъ участія и печали, что Принцессу весьма тронуло.

Формозанта изъявляла ей свое сожалѣніе о кончинѣ ея супруга. Ахъ! сказала вдовствующая: вы въ оной должны имѣть больше участія, нежели какъ вы думаете. Я конечно тѣмъ тронута, сказала формозанта: онъ былъ отецъ того . . . . При сихъ словахъ она заплакала. Я только для него и пріѣхала, претерпѣвъ довольно опасностей, и для него оставила я моего родителя и наиславнѣйшій Дворъ на свѣтѣ; я была захвачена Королемъ Египетскимъ, коего ненавижу. Убѣжавъ отъ сего похитителя, несена была по воздуху, чтобъ видѣть того, кого люблю, пріѣхала, а онъ отъ меня бѣгаетъ! Слезы и тяжкіе вздохи воспрепятствовали ей больше говорить.

Мать Амазанова сказала ей: когда васъ, государыня моя, Король

роль Египетскій захвалилъ, и когда вы съ нимъ ужинали въ трактирѣ во время путешествія вашего въ Бассору, наливая ему прекрасными вашими руками Хиражское вино, припомните ли вы, что тутъ въ покоѣ леталъ дроздъ? Конечно такъ, вы мнѣ то на память приводите, а я его совсѣмъ и не примѣчала. И такъ теперь собравшись съ мыслями, помню, что въ самое то время, какъ Король Египетскій всталъ изъ-за стола, чтобъ меня поцѣловать, дроздъ съ превеликимъ крикомъ изъ окошка вылетѣлъ, и уже больше не показывался.

Ахъ! государыня моя, отвѣчала мать Амаканова: вотъ тото и есть дѣйствительная причина нашихъ нещастій. Сынъ мой послалъ сего дрозда, чтобъ освѣдомиться о состояніи вашего здоровья, и что въ Вавилонѣ происходитъ; онъ надѣялся въ скоромъ времени быть къ вамъ,

чтобъ пасть къ вашимъ ногамъ и жертвовать вамъ своею жизнію. Вы не знаете, съ какою горячностію онъ васъ любитъ, всѣ Гангариды влюблены и вѣрны; но сынъ мой всѣхъ страстнѣе и постояннѣе. Дроздъ нашелъ васъ въ трактирѣ; вы весьма въ веселомъ духѣ пили съ Королемъ Египетскимъ, и еще съ самымъ простымъ духовнымъ; а наконецъ видѣлъ онъ, какъ вы съ большою пріятностію поцѣловали сего Монарха, которой убилъ феникса, и къ которому мой сынъ имѣетъ непреодолимое отвращеніе. Дроздъ увидя сіе, пришелъ въ справедливое негодованіе, и улетѣлъ проклиная жалостную вашу любовь. Онъ сего дня возвратился и все расказалъ; но въ какой часъ, праведное небо! во время то, въ которое сынъ мой оплакивалъ со мною смерть своего отца и феникса; во время то, какъ онъ отъ меня увѣдалъ, что онъ вашъ двоюродной братъ. О

О небо! онъ мой братъ! Возможноль тому быть? Какимъ случаемъ? Какъ? Что! Я толь щастлива! и въ самоежъ то время толь нещастлива, что его обидила!

Сынъ мой, вашъ двоюродной братъ, я вамъ сказываю, отвѣчала мать Амаценова, и я вамъ тотчасъ покажу сему доказательство; но сдѣлавшись моею свойственницею, лишаете вы меня моего сына. Онъ не снесетъ той печали, которую вы ему чрезъ поцѣлованїе Короля Египетскаго причинили.

Ахъ! тетушка, вскричала прекрасная формозанта: я вамъ кленусь имъ самимъ и мощнымъ Орозмадомъ, что сей нещастной поцѣлуй конечно невиненъ; но былъ еще сильнымъ опытомъ любви, какую я только сыну вашему оказать могла. Я для него сдѣлалась непокорна моему родителю, для него поѣхала я отъ

Эвфрата къ Гангаридамъ. Попавшись въ руки недостойнаго Короля фараона Египетскаго, не могла отъ него инымъ способомъ убѣжать, какъ чрезъ обманъ. Я въ томъ свидѣтельствую съ пепломъ и душею феникса, носимыхъ тогда въ моемъ карманѣ; онъ мнѣ отдастъ въ томъ справедливость. Но какъ можно сыну вашему, рожденному на Гангаридскихъ берегахъ, быть мнѣ двоюроднымъ братомъ? по тому что фамилія моя такое множество вѣковъ царствуетъ на берегахъ Эвфратскихъ.

Вы знаете, сказала ей почтенная Гангаридка, что дядя вашъ Алдей былъ Король Вавилонскій, и что онъ ссаженъ съ престола отцемъ Белусовымъ? Такъ, государыня моя, вы знаете, что сынъ его Алдей имѣлъ отъ своего супружества Принцессу Алдею, воспитанную при Дворѣ вашемъ. Тотъ-то самой Принцъ будучи гонимъ вашимъ родителемъ, убѣжалъ

жалъ въ нашу щастливую страну подъ другимъ именемъ. Онъ на мнѣ женился; я имѣла отъ него молодаго Принца Алдея Амацана наипрекраснѣйшаго, наидобродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ, а нынѣ наибольшаго глупца. Онъ поѣхалъ къ празднеству Вавилонскому, услыша о вашей красотѣ. Съ того времени онъ васъ обожаетъ, и можетъ быть, что я уже никогда опять не увижу любезнаго моего сына.

Потомъ велѣла она предложить Принцессѣ всѣ титулы Алдейскаго дому. Насилу Формозанта удостоила ихъ посмотрѣть. Ахъ! государыня моя, вскричала она, изслѣдываютъ ли то, чего желаютъ? Мое сердце вамъ довольно въ томъ вѣритъ. Но гдѣ Алдей Амацанъ? гдѣ мой свойственникъ, мой любовникъ, мой Король? Гдѣ моя жизнь? По какой дорогѣ онъ поѣхалъ? Я поѣду искать его во всѣхъ земныхъ

ныхъ шарахъ, которые предвѣчный основалъ, и коихъ онъ наипрекраснѣйшимъ украшенїемъ. Я поѣду и въ созвѣздїе Канопусъ, въ Шеатъ, въ Алде Баранъ; я поѣду увѣрить его въ моей любви и невинности.

фениксъ оправдалъ Принцессу въ проступкѣ, которымъ дроздъ ее обвинилъ, будтобы она изъ любви Короля Египетскаго поцѣловала: но должно было вывесть изъ сомнѣнїя Амацана, и привесть его назадъ. фениксъ послалъ птицъ по всѣмъ дорогамъ, и единороговъ всюду разослалъ; наконецъ принесли ему извѣстїе, что Амацанъ поѣхалъ по дорогѣ къ Китаю. И такъ поѣдемъ въ Китай, вскричала Принцесса: путь не далекъ; я надѣюсь привезти вамъ вашего сына обратно, по крайней мѣрѣ чрезъ пятнатцать дней. При сихъ словахъ какїя слезы нѣжности проливали мать Гангаридова и Принцес-

ѣа Вавилонская! какія обниманія! какія открытія искреннихъ сердецъ!

Фениксъ приготовилъ тотчасъ карету съ шестью единорогами. Мать Амазанова дала двѣсти человѣкъ конницы для провожденія, и подарила Принцессѣ, своей племянницѣ, нѣсколько тысячъ наилучшихъ алмазовъ сей земли. Фениксъ будучи огорченъ злоключеніемъ, произведеннымъ нескромностію дрозда, приказалъ выгнать изъ сей земли всѣхъ дроздовъ, и съ того времени нѣтъ ихъ уже больше на брегахъ Гангаридскихъ.

§. 5.

Единороги меньше, нежели какъ въ восемь дней привезли Формозанту, Ирлу и Феникса въ Камбалу, столицу Китайскую. Сей городъ гораздо былъ больше Вавилона, и великолѣпіе его отъ онаго совсѣмъ разнствовало. Сіи

но-

новые предметы, сїи новые обычаи, конечно бы могли увеселять Формозанту, естьли бы она въ состоянїи была о чемъ иномъ думать, кромѣ Амацана.

Какъ скоро Китайскїй Императоръ увѣдомился, что Принцесса Вавилонская прїѣхала къ первымъ воротамъ города, то послалъ онъ къ ней на встрѣчу четыре тысячи Мандариновъ (*) въ церемонїальныхъ одеждахъ; всѣ пали передъ нею на землю, и подали ей каждой поздравленїе, писанное золотыми литерами на листѣ изъ пурпуроваго шелку. Формозанта сказала имъ, что естьли бы она имѣла четыре тысячи языковъ, то бы не оставила, чтобъ тотчасъ же не отвѣтствовать каждому Мандарину особо, но имѣя только одинъ языкъ, проситъ принять за благо, естьли оной употребитъ, чтобъ ихъ поблагодарить всѣхъ вдругъ. О-

(*) Знатной господинъ въ Китаѣ.

Они ее почтительно проводили къ Императору.

Сей Монархъ былъ наисправедливѣйшій, наіучтивѣйшій и наиразумнѣйшій. Онъ-то первой обработалъ не большое поле своими Императорскими руками, чтобъ сдѣлать хлѣбопашество почтеннымъ своему народу. Онъ первой ввелъ награжденія за добродѣтель. Во всѣхъ другихъ земляхъ законы ограничены были къ ихъ стыду, чтобъ только наказывать преступленія. Сей Императоръ выгналъ изъ своего государства толпу Бонцовъ (*) иностранныхъ, пришедшихъ изъ дальнѣйшихъ западныхъ краевъ въ несмысленной надеждѣ, чтобъ присудить весь Китай думать такъ, какъ и они, и подъ видомъ проповѣдыванія истинны, получившихъ уже богатства и достоинства. При выгнаніи ихъ сказалъ онъ имъ изустно слѣдующія слова, ко-

(*) Попъ въ Китаѣ и Японіи.

которыя записаны въ государственной лѣтописи.

„Вы бы могли здѣсь сдѣ„лать столько же худаго, какъ „и въ прочихъ мѣстахъ: вы прі„ѣхали сюда проповѣдывать дог„маты презрѣнія закона у народа „наисогласнѣйшаго на земли. Я „васъ отсылаю назадъ, чтобъ „не быть никогда принуждену „васъ наказывать. Вы будете „честію провождены до моихъ „границъ; вамъ дадутъ все по„требное, чѣмъ вы можете воз„вратиться въ ту страну свѣта, „изъ которой вы пріѣхали. По„ѣзжайте съ миромъ, естьли вы „можете быть въ мирѣ, и боль„ше не возвращайтесь.

Принцесса Вавилонская радовалась узнавъ о семъ разсужденіи и разговорѣ, въ надеждѣ той, что вѣрно будетъ изрядно при Дворѣ принята, по тому что отъ догматовъ презрѣнія закона весьма была отдалена. Императоръ Ки-

Китайскій обѣдалъ съ нею только одинъ, и былъ столько учтивъ, что отставилъ все принужденіе излишней церемоніи; она представила ему феникса, котораго онъ весьма ласкалъ, и оной сѣлъ на его кресла. формозанта при концѣ обѣда откровеннымъ образомъ сказала ему причину своего путешествія, и просила его, чтобъ приказалъ поискать въ Камбалу прекраснаго Амацана, котораго приключенія она ему расказала, не скрывъ отъ него и нещастной страсти, которую сердце ея чувствовало къ сему молодому воину. Кому вы о томъ сказываете? отвѣчалъ ей Императоръ Китайскій; онъ мнѣ сдѣлалъ большое удовольствіе своимъ пріѣздомъ къ моему Двору; онъ меня совсѣмъ плѣнилъ; сей любезной Амацанъ. Правда, что онъ въ глубокой печали, но видъ его еще тѣмъ пріятнѣе. Никто изъ моихъ любимцовъ не имѣетъ столь-

столько разума, какъ онъ: никоторой изъ ученыхъ Мандариновъ не имѣетъ такихъ пространныхъ знанїй; а изъ военныхъ столько храбрости и мужества. Самая его юность придаетъ новое достоинство всѣмъ его качествамъ: естьли бы я столь былъ нещастливъ, и толь оставленъ отъ боговъ Тїена и Хангти, чтобъ захотѣлъ быть побѣдителемъ, то бы я просилъ Амацана повелѣвать моею армїею, и конечно былъ бы увѣренъ, чтобъ весь свѣтъ завоевалъ. Весьма жаль, что печаль его приводитъ иногда въ смущенїе.

Ахъ! государь мой, сказала ему формозанта съ видомъ горячности, печали, удивленїя и выговора: для чего вы меня съ нимъ обѣдать не допустили? Вы лишаете меня жизни, пошлите тотчасъ его сюда позвать. Государыня моя, онъ сего утра уѣхалъ, и не сказалъ въ которую стра-

страну. формозанта обратясь къ фениксу, сказала: видалъ ли ты фениксъ дѣвицу нещастнѣе меня? Но государь мой, продолжала она, для чего оставилъ онъ толь скоро такой прелестной Дворъ, каковъ есть Вашъ, при которомъ бы, кажется мнѣ, и весь вѣкъ свой проводить можно было?

Вотъ, государыня моя, что сдѣлалось. Одна знатная и прекрасная Принцесса въ него влюбилась, и назначила ему свиданіе съ собою въ своемъ домѣ около полудня. Онъ уѣхалъ на самомъ разсвѣтѣ, и оставилъ сіе письмецо, которое стоило много слезъ моей свойственницѣ.

„Прекрасная Принцесса Ки-
„тайской крови! вы достойны
„сердца, которое бы навсегда
„было ваше. Я клялся безсмерт-
„нымъ богамъ, чтобъ никогда
„не любить, кромѣ формозан-
„ты Принцессы Вавилонской, и

„чтобъ ее увѣрить, какимъ
„образомъ можно обладать сво-
„ими страстьми въ путешествї-
„яхъ. Она имѣла нещастїе пре-
„даться власти недостойнаго Ко-
„роля Египетскаго; я наинеща-
„стливѣйшїй человѣкъ, лишился
„моего родителя феникса, и на-
„дежды, чтобъ быть любиму
„формозантою; я оставилъ пе-
„чальную мою мать и отече-
„ство, не могъ жить ни минуты
„въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ
„провѣдалъ, что формозанта
„любитъ другаго, кромѣ меня; я
„клялся, чтобъ объѣхать весь
„свѣтъ и быть вѣрнымъ. Вы бы
„меня возненавидѣли, и боги бы
„меня наказали, естьли бы я на-
„рушилъ мою клятву. И такъ,
„государыня моя, изберите себѣ
„любовника, и будьте также
„вѣрна, какъ и я.

Ахъ! оставьте мнѣ сїе удив-
ленїя достойное письмо, сказала
прекрасная формозанта; оно бу-
детъ

детъ моимъ утѣшенїемъ; я щастлива въ моемъ злоключенїи. Аманцанъ меня любитъ, и для меня отказываетъ Принцессамъ Китайскимъ. Онъ только одинъ на земли можетъ одержать такую побѣду, и чрезъ то подаетъ мнѣ великой примѣръ. фениксъ знаетъ, что я въ ономъ не имѣла нужды; весьма несносно лишиться своего любовника за самой невиннѣйшїй поцѣлуй, данной изъ одной только вѣрности; но куда же онъ поѣхалъ? по которой дорогѣ? удостойте меня объ ономъ знать, и я поѣду.

Императоръ Китайскїй отвѣчалъ ей, что по полученнымъ извѣстїямъ, надѣется онъ, что любовникъ ея обратилъ путь свой къ Скиѳской землѣ. Тотчасъ единороговъ запрягли, и Принцесса, по оказанїи наинѣжнѣйшихъ привѣтствїй, простилась съ Императоромъ, и поѣхала съ фениксомъ,

ксомъ, съ придворною своею дамою Ирлою и со всею своею свитою.

Какъ скоро она въ Скиѳскую землю пріѣхала, то уже ясно могла видѣть, коль различны люди и правленія. Они и всегда будутъ различны, даже до того времени, когда нѣкоторой народъ гораздо просвѣщеннѣйшій другихъ, мало помалу введетъ просвѣщеніе послѣ тысячи вѣковъ заблужденія; и когда въ варварскихъ странахъ покажутся герои, имѣющіе силу и терпѣніе, чтобъ скотовъ перемѣнить въ людей. Въ Скиѳской землѣ не было городовъ, слѣдовательно не было и пріятныхъ искусствъ и наукъ; были только пространныя поля, и цѣлые народы жили въ палаткахъ и въ кибиткахъ. Сей взоръ вливалъ нѣкоторой ужасъ. Формозанта спросила, въ которой палаткѣ или кибиткѣ живетъ Король? Сказали ей, что восемь дней тому назадъ, какъ онъ пошелъ

шелъ съ тремя стами тысячами человѣкъ конницы противъ Короля Вавилонскаго, увезши его племянницу, Прекрасную принцессу Алдею. Онъ увезъ мою сестру! вскричала Формозанта. Я совсѣмъ не воображала себѣ сего новаго приключенія. Какъ! сестра моя, почитающая себѣ за большое щастіе, когда мнѣ могла оказать почтеніе, сдѣлалась Королевою, а я еще не за мужемъ! Она тотчасъ велѣла себя отвести въ палатку къ Королевѣ.

Нечаянное ихъ свиданіе въ сихъ отдаленныхъ странахъ, множество особливыхъ материй, которыя они имѣли другъ другу расказать, произвели въ разговорахъ пріятность побудившую ихъ забыть то, что они другъ друга никогда не любили; и такъ увидѣлись они въ радостномъ восхищеніи. Прелестное ослѣпленіе заступило мѣсто истинной ласки; они обняли другъ друга со слезами,

ми, оказывая также искренность и откровенность, по тому что свиданіе было не въ палатахъ.

Алдея узнала феникса и Ирлу; она подарила сестрѣ своей собольихъ мѣховъ, а оная ей напротивъ того алмазовъ. Разговаривали о войнѣ, происшедшей между двумя Королями; сожалѣли о состояніи людей, которыхъ Монархи по прихотямъ своимъ посылаютъ на смерть за такія между собою ссоры, кои бы двумя только честными людьми въ часъ могли быть прекращены; а особливо разговаривали они о прекрасномъ чужестранцѣ, побѣдителѣ львовъ, подарившемъ наибольшіе алмазы, какіе могли быть на свѣтѣ, сочинителѣ мадригаловъ, имѣющемъ у себя феникса, и сдѣлавшемся наконецъ наищастливѣйшимъ человѣкомъ, по увѣдомленію одного только дрозда. Это мой любезной братъ, сказала Алдея: это мой любовникъ, вскрича-

чала формозанта: вы конечно его видѣли, онъ можетъ быть еще здѣсь, для того сестрица, когда знаетъ, что вашъ братъ, то думаю отъ васъ не такъ скоро уѣдетъ, какъ отъ Императора Китайскаго.

Видѣла ли я его, великїе боги! отвѣчала Алдея: онъ цѣлые четыре дня у меня пробылъ. Ахъ! сестрица, какого только сожалѣнїя достоинъ мой братъ! Ложное извѣстїе сдѣлало его совсѣмъ безумнымъ; онъ бѣгаетъ по свѣту, не зная куда ѣдетъ. Представьте вы себѣ, что дурачествомъ своимъ онъ до такой крайности дошелъ, что отказалъ любви одной Скиѳїанки наипрекраснѣйшей изъ всей Скиѳской земли. Онъ поѣхалъ вчера написавъ къ ней письмо, отъ котораго она пришла совсѣмъ въ отчаянїе. Путь свой предприїялъ онъ къ Симмерїанамъ. Слава Богу! вскричала формозанта, еще отка-

казалъ для меня! Щастіе мое превзошло мою надежду, такъ нещастіе всѣ мои опасности. Прикажите мнѣ дать сіе любезное письмо, чтобъ я за нимъ въ слѣдъ поѣхала, преисполнена его жертвами. Прощай, сестрица, Амацанъ у Симмеріанъ. Я туда лечу.

Алдея почла, что Принцесса, сестра ея, была еще гораздо глупѣе брата ея Амацана. Но какъ она и сама чувствовала сію заразу, оставя роскоши и великолѣпіе Вавилонское для Короля Скиѳскаго; и какъ женщины всегда пріемлютъ участіе въ дурачествахъ причиняемыхъ любовію, то она дѣйствительно сжалилась надъ формозантою, желала ей благополучнаго пути, и обѣщала въ любви ея вспомоществовать, естьли будетъ столько щастлива, что увидитъ своего брата.

§. 6.

§. 6.

Принцесса Вавилонская и фениксъ скоро прїѣхали въ государство Симмерїанское, которое хотя и не такъ было многолюдно, какъ Китайское, но напротивъ того вдвое пространнѣе, и напредъ сего похожее на Скиѳскую землю, а предъ не давнымъ временемъ пришедшее въ толь же цвѣтущее состоянїе, какъ и государства, которыя хвалились, что другихъ учить могутъ.

Чрезъ нѣсколько дней прїѣхали они въ весьма великой городъ, которой владѣющая Императрица повелѣла украшать; но ее въономъ не было. Она путешествовала тогда отъ Европейскихъ границъ къ границамъ Асїи, чтобъ собственнымъ своимъ окомъ узнать свои государства; чтобъ разсуждать о недостаткахъ, и оныя поправить; чтобъ умножить пользы и повсюду разсѣять наставленїя.

Одинъ изъ главныхъ правителей сего древняго стоаичнаго города узнавъ о прїѣздѣ Принцессы Вавилонской и феникса, постарался оказать ей свою преданность, и сдѣлать надлежащую честь, будучи точно увѣренъ, что Государыня его, которая была наичувствительнѣйшая и великодушнѣйшая изъ Монархинь, окажетъ ему свое благоволенїе за прїнятїе толь великой Принцессы, съ такимъ же почтенїемъ, которое бы и собственною персоною ей наивозможнымъ образомъ оказать не оставила.

Формозантѣ отведены были покои во дворцѣ, отъ котораго отбили множество собравшагося подлаго народа; вымышляли для нее разныя увеселенїя. Знатной Симмерїанской господинъ, будучи великой испытатель естества, разговаривалъ много съ фениксомъ въ то время, какъ Принцесса была въ своихъ покояхъ. Феникс

никсъ признавался ему, что онъ бывалъ прежде сего у Симмеріанъ, и больше уже сей земли не узнаетъ. Отъ чего могли произойти, сказалъ онъ, толь великія перемѣны, въ такое короткое время? Не прошло еще трехъ сотъ лѣтъ, какъ я видѣлъ здѣсь дикое естество во всемъ его ужасѣ, а теперь нахожу искусства, великолѣпіе, славу и учтивость. Одинъ только человѣкъ началъ сіе великое дѣло, отвѣчалъ Симмеріанинъ, дама оное совершила, дама была лучшею законодательницею, нежели какъ Изисъ Египетская и Церера Греческая. Законодатели были по большой части не дальняго понятія, склонны къ самовластію ограничивающему намѣренія ихъ только на землю, которою они управляли: всякой почиталъ свой народъ, какъ будтобы онъ одинъ былъ на земли, или какъ будто бы долженъ былъ непріятелемъ

 быть

быть всѣмъ другимъ народамъ. Они сдѣлали узаконенія для сего одного народа, ввели обычаи и уставили законъ для него только одного. Такъ-то Египтяне толь славные каменными своими горами, сдѣлались глупыми и непочтенными чрезъ свои варварскія суевѣрія. Они почитаютъ другихъ народовъ невѣрными, не сообщаются съ ними, и кромѣ Двора, которой иногда возносится надъ предубѣжденіями подлаго народа, нѣтъ Египтянина, которой бы хотѣлъ ѣсть съ того блюда, кое иностранной употребляль. Попы ихъ жестоки и суевѣрны. Лучше не имѣть законовъ и слѣдовать только естеству, которое въ сердца наши запечатлѣло чувствованіе того, что справедливо и не справедливо, нежели подвергать общество законамъ толь необходительнымъ.

Им-

Императрица наша напротивъ того совсѣмъ иныя имѣетъ намѣренія. Она почитаетъ, что пространное ея государство, въ которое всѣ полденныя линіи стекаются, неотмѣнно должно обращаться со всѣми народами, обитающщими подъ сими различными полденными линіями. Главное ея правило состояло въ дозволеніи свободнаго отправленія всѣхъ законовъ и въ сожалѣніи о всѣхъ преступленіяхъ. Великой ея духъ предузналъ, что хотя церковные обряды и различны, однако нравоученіе вездѣ равно. Симъ способомъ соединила она свой народъ со всѣми народами на свѣтѣ, и Симмеріане почитаютъ Скандинавіанъ и Китайцовъ за братьевъ. Она еще больше произвела, возжелавъ, чтобъ сіе препохвальное дозволеніе, какъ главной союзъ между людьми, завелось бы и у ея сосѣдей; и такъ заслужила она титулъ матери отече-

 ства,

ства, и продолжая оное навсегда, будетъ имѣть имя и благодѣтельницы рода человѣческаго.

До нее люди по нещастїю большую власть имѣющїе посылали толпы грабителей разбивать новыя неизвѣстныя селенїя, и орошать ихъ кровїю наслѣдїя отцовскїя. Сихъ смертоубїйцъ называли воинами, а грабленїе ихъ славою. Государыня наша имѣетъ совсѣмъ другую славу; она послала армїи, чтобъ произвесть тишину, воспрепятствовать людямъ себя вредить, принудить ихъ терпѣть другъ друга, и знаменами своими произвесть общее согласїе.

Фениксъ чрезмѣрно плѣнясь всѣмъ тѣмъ, что ему сей господинъ расказывалъ, сказалъ ему: Государь мой, я уже живу на свѣтѣ двадцать семь тысячь девять сотъ лѣтъ и семь мѣсяцовъ; однако еще не видывалъ подобнаго сему, что вы мнѣ теперь

перь сказывали. Онъ спрашивалъ у него о пріятелѣ своемъ Амаданѣ. Симмеріанинъ расказалъ ему то же, что сказали Принцессѣ, у Китайцовъ и у Скиѳовъ. Амаданъ бѣгалъ отъ всѣхъ Дворовъ, къ которымъ пріѣзжалъ, какъ скоро только отъ какой дамы назначено было ему свиданіе, опасаясь, чтобъ приономъ вѣрности своей не нарушить. Фениксъ увѣдомилъ тотчасъ Формозанту о семъ новомъ къ ней знакѣ вѣрности Амадановой, которая тѣмъ больше была удивленія достойна, что онъ совсѣмъ не надѣялся, чтобъ Принцесса его объ оной когда нибудь могла быть увѣдомлена.

Онъ поѣхалъ въ Скандинавію. Въ сихъ странахъ представились глазамъ его еще новыя позорища: въ одной части королевское достоинство и вольность состояли чрезъ договоръ въ такомъ равенствѣ, которое въ другихъ госу-

дарствахъ кажется быть невозможнымъ: хлѣбопахари въ законодательствѣ имѣли такое же участїе, какъ и знатные государственные чины, и молодой Государь подавалъ наибольшую о себѣ надежду, что можетъ быть достойнымъ обладателемъ вольнаго народа. Въ другой же части было нѣчто весьма странное; одинъ только Король, которой поправилъ чрезъ заключенной формально съ своимъ народомъ договоръ, владѣлъ на земли какъ самовластной Государь, былъ притомъ самой младшїй и справедливѣйшїй изъ Королей.

У Сарматовъ увидѣлъ Амацанъ на престолѣ философа: можно было его назвать Королемъ Анархїи, (*) по тому что онъ былъ повелитель ста тысячи малыхъ Королей, изъ коихъ одинъ могъ только словомъ уничтожить намѣренїя всѣхъ прочихъ.

(*) Состоянїе земли безъ владѣнїя.

Эолъ не больше имѣлъ труда, чтобъ удержать всѣ вѣтры безпрестанно противоборющїеся, какъ сей Монархъ, чтобъ привесть въ согласїе различные умы. Онъ былъ кормчей, окруженной безпрестанною бурею, а однако Король не разбивался, по тому что преизрядно рулемъ правилъ.

Амацанъ проѣзжая всѣ сїи земли толь отличныя отъ его отечества, съ великимъ постоянствомъ убѣгалъ всѣхъ любовныхъ случаевъ, ему представляющихся, въ безпрестанномъ отчаянїи о поцѣлуѣ данномъ формозантою Королю Египетскому, и несказанной твердости въ непонятномъ своемъ намѣренїи, чтобъ подать формозантѣ примѣръ несравненной и непоколебимой вѣрности.

Принцесса Вавилонская съ фениксомъ ѣздила за нимъ слѣдомъ повсюду, и не заставала его не боль-

больше какъ днемъ, или двумя, такъ что одинъ не уставалъ бѣгать, а другая не упускала ни одной минуты, чтобъ за нимъ не слѣдовать.

И такъ проѣхали они всю Германїю; удивлялись успѣхамъ, кои разумъ и философїя въ сѣверныхъ странахъ производили. Всѣ Государи тамъ были учены; всѣ имѣли свободныя мысли; воспитанїе ихъ не было поручено людямъ, которые бы имѣли въ томъ пользу, чтобъ ихъ обмануть, или бы сами были обмануты; воспитывали ихъ въ познанїи нравоученїя всеобщаго и въ пренебреженїи суевѣрїя; во всѣхъ сихъ государствахъ истреблено было несмысленное обыкновенїе, которое обезсиливало и опустошало многїя полденныя страны. Сїе обыкновенїе состояло въ томъ, чтобъ зарывать живыхъ въ пространныя тюрьмы безчисленное множество людей обоего пола, разлучая ихъ на

навѣки другъ отъ друга, и приводя къ клятвѣ, чтобъ не имѣли никогда между собою сообщенія. Сїе чрезвычайное дурачество, бывшее однако предъ нѣсколько вѣковъ въ почтеніи, такъ опустошило землю, какъ и наїужаснѣйшія войны.

Полночные Государи узнали наконецъ, что естьли имѣть конской заводъ, то не должно отлучать самыхъ сильныхъ жеребцовъ отъ кобылъ. И такъ истребили они множество пороковъ толь странныхъ и вредительныхъ; а потомъ люди осмѣлились быть разумными въ сихъ обширныхъ земляхъ, когда еще въ другихъ мѣстахъ думали, что ими не иначе управлять можно, какъ только по соображенію ихъ глупости.

§. 7.

Амацанъ прїѣхалъ къ Батавїанамъ; сердце его почувствовало сладкое удовольствїе въ его печали,

ли, нашедши тамъ нѣкоторое слабое изображенїе земли щастливыхъ Гангаридовъ, вольность, равенство, чистоту, изобилїе, свободное отправленїе закона; но дамы въ сей землѣ толь были холодны, что ни одна на него такъ, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ дѣлали, любовнаго нападенїя не учинила, и по тому не имѣлъ къ сопротивленїю труда. Естьли бы онъ захотѣлъ самъ къ нимъ приступить, то бы конечно всѣхъ одну за другою себѣ покорилъ, не будучи любимъ ни отъ которой; но мысли его отъ прїобрѣтенїя побѣдъ совсѣмъ были отдалены.

Едва формозанта не застала его у сего неискуснаго народа; не доставало только одной минуты.

Амацанъ услышалъ у Батавїанъ толь великую похвалу о нѣкоторомъ островѣ, называемомъ Албїонъ, что онъ вознамѣрился сѣсть и съ единорогами своими на

ко-

корабль, которой способнымъ восточнымъ вѣтромъ привезъ его въ четыре часа къ берегамъ сей земли, гораздо славнѣйшiй Тира и острова Атлантическаго.

Прекрасная формозанта, слѣдующая за нимъ къ берегамъ Двины, Вислы, Эльбы, Везера, прiѣхала наконецъ къ устью Рейна, которая рѣка тогда быстрымъ своимъ теченiемъ въ Германическое море протекала.

Она увѣдомилась, что любовникъ ея поѣхалъ ко брегамъ Албiона, надѣялась увидѣть его корабль, произнесла радостной крикъ, чему всѣ Батавскiя дамы удивились, не воображая себѣ, чтобъ молодой человѣкъ могъ быть причиною такой радости. феникса же они за чудо не сочли, по тому что имѣли утокъ и гусей, живущихъ у нихъ на болотахъ, коихъ перья продавали, а фениксовы не почитали толь удобными къ продажѣ. Принцесса Вавилонская наняла два ко-

корабля для переѣзда со всею своею свитою въ сей щастливой островъ, на которомъ былъ единственной предметъ всѣхъ ея желаній, душа ея жизни, богъ ея сердца.

Вдругъ поднялся противной вѣтръ отъ запада, въ самое то время, какъ вѣрной и нещастной Амацанъ вышелъ на островъ Албіонъ; корабли Принцессины не могли отвалить отъ берега. Стѣсненіе сердца, горькая печаль и глубокая задумчивость, обладали формозантою; съ горести своей легла она на постелю, ожидая перемѣны вѣтра; но онъ дулъ цѣлые восемь дней съ жестокостію, приводящею ее въ отчаяніе. Принцесса во время сихъ осьми дней, которые ей цѣлымъ вѣкомъ показались, заставила Ирлу читать себѣ романы. Не Батавіане оные умѣли сочинять; но какъ они были подрядчики всего свѣта, то продавали разумъ другихъ народовъ

такъ,

такъ, какъ и съѣстные свои припасы. Принцесса велѣла купить у Марка Михеля Рея всѣ сказки, писанныя у Озонїановъ и Велховъ, которыхъ продажа у сихъ народовъ весьма разумно была запрещена для обогащенїя чрезъ то Батавїанъ. Она надѣялась найти въ сихъ исторїяхъ нѣкоторое приключенїе сходное съ своимъ, кое бы могло утолить ея печаль. Ирла читала, фениксъ сказывалъ на то свое мнѣнїе, и Принцесса не нашла ни въ щастливой крестьянкѣ, ни въ Тонзаѣ, ни въ Софа, ни въ четырехъ факардинахъ ничего сходственнаго съ ея приключенїями; она безпрестанно прерывала чтенїе, спрашивая, съ которой стороны вѣтръ.

§. 8.

Между тѣмъ Амацанъ ѣхалъ уже по дорогѣ къ столицѣ Албїонской въ каретѣ своей запряженной шестью единорогами, и былъ

въ

въ глубокой задумчивости о своей Принцессѣ; онъ увидѣлъ опрокинутую въ ровъ коляску. Люди разошлись искать помощи, а господинъ сидѣлъ въ оной спокойнымъ духомъ, не оказывая ни малѣйшей нетерпѣливости, и забавлялся куренїемъ табаку, по тому что тогда уже курили. Онъ назывался Милордъ Ваттенъ, что наономъ языкѣ, съ котораго я перевожу сїи извѣстїя столько значитъ, какъ *Милордъ Безпечной*.

Амацанъ поспѣшилъ подать ему помощь; онъ одинъ вытащилъ его коляску изо рва. Толь сила его была превосходна противъ прочихъ людей. *Милордъ Безпечной* сказалъ ему только: вотъ человѣкъ довольно сильной. Мужики сосѣдственные прибѣжали, разсердились, что ихъ понапрасну призвали, и напали на чужестранца съ великими угрозами, называя его чужою собакою, и хотѣли его бить.

Амацанъ захватилъ ихъ по двое въ каждую руку, и отбросилъ отъ себя на двадцать шаговъ; другїе стали чрезъ то учтивѣе, кланялись ему, и просили у него денегъ на вино. Онъ имъ далъ толь много, что они отъ роду столько не видывали. *Милордъ Безлечной* сказалъ ему: Я васъ почитаю, поѣдемъ ко мнѣ обѣдать въ загородной мой домъ, которой отсюда только три мили. Онъ сѣлъ въ карету къ Амацану, по тому что коляска его отъ паденїя испортилась.

Помолчавъ съ четверть часа, посмотрѣлъ онъ нѣсколько на Амацана, и сказалъ ему hou dye do, по словомъ *какъ ты дѣлаете дѣлать*? На языкѣ преводчика, *какъ ты обрѣтаетесь*? что ни на какомъ языкѣ ничего не значитъ; потомъ сказалъ онъ: вы имѣете шесть преизрядныхъ единороговъ, и началъ опять курить табакъ.

Пу-

Путешествующїй Амаџанъ сказалъ ему, что онъ его единорогами своими даритъ, и ѣдетъ на нихъ изъ земли Гангаридской. Сїе подало ему случай говорить о Принцессѣ Вавилонской, по нещастномъ поцѣлуѣ, данномъ ею Королю Египетскому. На что онъ ни слова не отвѣчалъ, имѣя весьма мало попеченїя о томъ, естьли на свѣтѣ Король Египетскїй и Принцесса Вавилонская. Онъ молчалъ еще четверть часа, а потомъ опять спросилъ своего товарища, *какъ онъ дѣлаетъ дѣлать*: и ѣдятъ ли въ землѣ Гангаридской хорошей *ростбефъ*? Путешествующїй отвѣчалъ съ обыкновенною своею учтивостїю, что не ѣдятъ своихъ братьевъ въ странахъ Гангаридскихъ. Онъ изъяснялъ ему систему, бывшую чрезъ толь множество вѣковъ Пиѳагорову, Порфиррову и Ямблихову. Милордъ отъ того заснулъ до тѣхъ поръ, пока къ его двору прїѣхали. Онъ

Онъ имѣлъ молодую и прелестную жену, которая отъ природы толь была жива и чувствительна, какъ мужъ ея напротивъ того безпеченъ. Многїе Албїонскїе господа прїѣхали къ ней въ сей день обѣдать. Были между ими люди различныхъ нравовъ, по тому что какъ сїя земля почти всегда управляема была чужестранными, то фамилїи, вышедшїя съ сими Принцами, привезли съ собою различные обычаи. Въ собранїи были люди весьма любезные: иные превосходнаго разума, а иные высокой науки.

Хозяйка не имѣла въ себѣ никакого неискуснаго и заимственнаго вида, и ни мало изъ той суровости и безстыдства, коими тогда молодыхъ Албїонскихъ дамъ укоряли. Она не скрывала презрительнымъ видомъ и принужденнымъ молчанїемъ недостатка своихъ понятїй и умильнаго замѣшательсства, въ какомъ бываютъ

тогда, когда не имѣютъ чего сказать. Никакая женщина не была столь снисходительна. Она приняла Амацана съ учтивостiю и прiятностiю ей свойственными. Чрезвычайная красота сего молодаго чужестранца, и скорое сравненiе, сдѣланное ею между имъ и своимъ мужемъ, тотчасъ ее чувствительнымъ образомъ тронули.

Столъ изготовили. Она посадила Амацана подлѣ себя, и потчивала его пуддиномъ разныхъ сортовъ, узнавъ отъ него, что Гангариды не питались ни чѣмъ тѣмъ, что получило отъ боговъ небесной даръ жизни. Красота его и сила, обычаи Гангаридовъ, успѣхи искусствъ, законъ и правленiе, были матерiи разговора столько же прiятнаго, какъ и наставленiями наполненнаго. Во время обѣда, продолжающагося до ночи, при которомъ *Милордъ Безпечной* пилъ много и ни слова не говорилъ.

По-

Послѣ обѣда, какъ Миляди, наливая чай, глазъ своихъ съ молодаго человѣка не спускала, разговаривалъ онъ съ парламентскимъ членомъ, по тому что всякому извѣстенъ тогда былъ Парламентъ, и назывался оной Wittenagemot, что значитъ собраніе разумныхъ людей. Амацанъ освѣдомлялся о учрежденіи, нравахъ, законахъ, о военной силѣ, обыкновеніяхъ, искусствахъ, дѣлающихъ сію землю толь славною; и сей господинъ изъяснялся ему въ слѣдующихъ словахъ:

Мы долго ходили совсѣмъ наги, хотя климатъ нашъ и не тепелъ. У людей, пришедшихъ изъ древней земли Сатурновой, которую Тибрскія воды орошаютъ, долго находились мы подъ неволею; но мы сами себѣ сдѣлали больше зла, нежели какъ онаго имѣли отъ первыхъ нашихъ побѣдителей. Одинъ изъ нашихъ Ко-

 ро-

ролей толь уничижился, что обЪявилЪ себя подданнымЪ одного попа, живущаго также на брегахЪ ТибрскихЪ, коего называли старикомЪ Семи ГорЪ. ТолЪ давно уже судьба опредѣлила сіи Семь ГорЪ владѣть большею частію Европы, вЪ которой тогда несмысленные скоты обитали.

Послѣ сихЪ временЪ уничиженія пришли вѣки жестокости и междоправленія: Земля наша взволновавшись больше, нежели какЪ моря оную окружающія, была опустошена и окровавлена чрезЪ наши несогласія; многія коронованныя главы были казнены; болѣе ста Князей, происходящихЪ отЪ крови Королевской, окончили дни свои на мѣстѣ казни. У всѣхЪ ихЪ сообщниковЪ вынули сердца, и били ихЪ оными по щекамЪ. Палачу бы должно было писать исторію нашего острова, по тому что онЪ одинЪ былЪ рѣшитель всѣхЪ великихЪ дѣлЪ.

Не

Не давно къ вящшему ужасу нѣкоторыя особы, носящїя черныя епанчи, а другїя надѣвающїя бѣлыя рубашки сверьхъ своихъ фуфаекъ, будучи укушены бѣшеными собаками, заразили весь народъ своимъ свирѣпствомъ. Всѣ жители сдѣлались или убїйцы, или удавленные, палачи, или казненные, грабители, или невольники, за имя небесное и ища Господа.

Кто бы могъ повѣрить, чтобъ изъ сей ужасной бездны, изъ сей смѣси несогласїя, жестокости, невѣжества и возмечтанїя, произошло наконецъ наисовершеннѣйшее правленїе, какое только нынѣ можетъ быть на свѣтѣ. Король почитаемой и богатой, имѣющїй полную власть дѣлать добро, невластительной дѣлать зло, повелѣваетъ народомъ вольнымъ, къ войнѣ и коммерцїи способнымъ и просвѣщеннымъ. Знатные господа съ одной, а старшины городскїе

съ другой стороны дѣлятъ законодательство съ Государемъ.

Особливой предѣлъ доказалъ безпорядки, междоусобныя брани, Анархію и бѣдность опустошающія землю, когда Короли присвоивали себѣ полную власть, тишина, богатство и общее благополучіе, не иначе у насъ царствовали, какъ, когда Короли признавали себя не самовластными. Все было превратно, естьли спорили о дѣлахъ непонятныхъ; все же напротивъ того было порядочно, когда оныя не уважали. Наши побѣдоносные флоты являютъ славу нашу на всѣхъ моряхъ, а законы приводятъ благополучіе наше въ безопасность; никогда судья не можетъ оные толковать по своей волѣ, и никогда не выдадутъ приговора, не показавъ въ немъ оныхъ доказательствъ. Мы бы наказали такъ, какъ убійцъ судей, которые бы отважились лишить жизни мѣщанина, не обнаро-

родовавъ свидѣтельствъ его обвиняющихъ и закона его присуждающаго.

Правда, что у насъ есть безпрестанно двѣ партiи, борящiяся между собою перомъ и разными пронырствами, но они всегда соглашаются, когда дѣло дойдетъ до того, чтобъ принять оружiе къ защищенiю отечества и вольности. Сiи двѣ партiи смотрятъ одна за другою. Они съ обѣихъ сторонъ другъ другу препятствуютъ нарушать святой залогъ законовъ; другъ друга ненавидятъ, но любятъ государство; они ревнивые любовники, которые изъ зависти одной любовницѣ служатъ.

По таковому же побужденiю разума заставившему насъ узнать и утвердить права естества человѣческаго, привели мы и науки въ толь высочайшей степень, въ какой только они между людьми притти могли. Ваши Египтяне, почитаемые за

толь великихъ механиковъ, Индѣйцы ваши за толь великихъ философовъ, Вавилоняне похваляющїеся звѣздочетствомъ, чрезъ четыре ста тритцать тысячь лѣтъ. Греки, писавшїе толь много рѣчей, а толь мало дѣла, дѣйствительно не знаютъ ничего въ сравненїи самыхъ послѣднихъ нашихъ учениковъ, обучившихся открытїямъ великихъ нашихъ учителей. Мы во сто лѣтъ больше испытали сокровенностей естества, нежели какъ родъ человѣческой открылъ оныхъ во множество вѣковъ.

Вотъ истинное состоянїе, въ которомъ мы теперь находимся. Я вамъ не скрылъ ни добра, ни худа, ни нашего позора, ни нашей славы, и ни въ чемъ лишняго не прибавилъ.

Амацанъ почувствовалъ при семъ разговорѣ великое желанїе обучиться симъ высокимъ наукамъ, о которыхъ ему сказали; и

и естьли бы страсть его къ Принцессѣ Вавилонской, сыновнее его почтенїе къ оставленной имъ родительницѣ и любовь къ отечеству стѣсненнаго его духа толь сильно не трогали, то бы онъ конечно вознамѣрился всю свою жизнь на островѣ Албїонъ препроводить. Но сей нещастной поцѣлуй, данной Принцессою его Королю Египетскому, не оставлялъ ему столько свободности разума, чтобъ учиться высокимъ наукамъ.

Я вамъ признаюсь, сказалъ онъ, что наложа себѣ законъ ѣздить по свѣту и убѣгать отъ самаго себя, былъ бы я любопытенъ, чтобъ видѣть сїю древнюю землю Сатурнову. Сей народъ Тибрскїй и Семигорскїй, коему вы напредъ сего подвластны были, конечно, надобно думать, что онъ былъ первой народъ на земли. Я вамъ совѣтую предпрїять сїе путешествїе, отвѣчалъ

ему Албїонянинъ, естьли вы хотя мало любите музыку и рисовальное искусство. Мы весьма часто и сами туда для препровожденїя нашей скуки ѣздимъ, но вы весьма удивитесь, увидя потомковъ нашихъ побѣдителей.

Сей разговоръ долго продолжался. Хотя прекрасный Амацанъ былъ нѣсколько и смущенъ, однако говорилъ съ такою прїятностїю: голосъ его толь былъ нѣженъ, видъ его толь благороденъ и умиленъ, что госпожа дому не могла оставить, чтобъ съ нимъ наединѣ не говорить. Разговаривая съ нимъ, жала она ему нѣжнымъ образомъ руку, смотря на него прелестнымъ и быстрымъ взоромъ, наполняющимъ всѣ ея чувства чрезвычайнымъ желанїемъ. Она удержала его ужинать и ночевать. Каждая минута, каждое слово, каждой взоръ возжигали ея страсть. Какъ всѣ разъѣхались,

ѣхались, то написала она къ нему письмецо, не сомнѣваясь, чтобъ онъ не пришелъ къ ней на постелю, между тѣмъ какъ *Милордъ Безлечной* спалъ на своей. Амацанъ имѣлъ еще столько крѣпости сему воспротивиться; толь удивительныя дѣйствія производитъ вкоренившееся дурачество въ сильномъ и весьма тронутомъ духѣ.

Амацанъ по обыкновенію своему сдѣлалъ сей дамѣ почтительной отвѣтъ, въ которомъ изъяснилъ онъ ей ненарушимость своей клятвы и непремѣнную должность, чтобъ доказать Принцессѣ Вавилонской, коль лехко можно обладать своими страстьми; потомъ велѣлъ онъ заложить единороговъ, и поѣхалъ назадъ въ Батавію, оставя все собраніе въ превеликомъ о себѣ удивленіи, а госпожу дому въ отчаяніи. Въ чрезвычайной своей печали обронила она письмо Амацаново. *Ми-*

лордъ Безлечной прочелъ оное на другой день поутру. Вотъ, сказалъ онъ, пожавъ плечми, какія не лѣпыя дурачества! И поѣхалъ на охоту за лисицами съ пьянюгами, живущими въ его сосѣдствѣ.

Амацанъ разъѣзжалъ уже по морю, будучи снабдѣнъ Географическою картою, коею его подарилъ ученой Албіонецъ, разговаривавшій съ нимъ у *Милорда Безлечнаго*. Онъ съ удивленіемъ видѣлъ большую часть земли на листѣ бумаги.

Глаза его и совоображеніе заблуждались въ семъ маломъ мѣстѣ. Онъ смотрѣлъ на Рейнъ, Двину, Алпійскія горы въ Тиролѣ, означенныя тогда другими именами, и на всѣ земли, чрезъ которыя долженъ былъ ѣхать до пріѣзда своего въ городъ Семигородскій; а особливо обращалъ онъ свой взоръ на страну Гангаридскую; на Вавилонъ, гдѣ онъ ви-

дѣлъ любезную свою Принцессу, и на нещастную землю Бассорскую, въ которой она Короля Египетскаго поцѣловала. Онъ воздыхалъ, проливалъ слезы, но признавался, что Албинянинъ, подаривший его цѣлымъ свѣтомъ, въ такой краткости изображеннымъ, говорилъ справедливо, что люди, обитающіе на брегахъ Темзы, гораздо были ученѣе живущихъ на Нильскихъ, Эвфратскихъ и Гангскихъ берегахъ.

Когда онъ возвращался въ Батавію, Формозанта поспѣшала на двухъ своихъ корабляхъ, распустя всѣ парусы, къ Албіону. Корабли Амазановъ и Принцессинъ повстрѣчались, и почти одинъ съ другимъ столкнулись. Оба любовники были другъ отъ друга близко, а совсѣмъ о томъ не думали. Ахъ! естьли бы они то знали! Но властная судьба не дозволила.

§. 9.

Какъ скоро Амаџанъ сошелъ на ровную и грязную землю Баттавскую, то тотчасъ поѣхалъ въ городъ Семигорскій. Должно было проѣхать полденную часть Германіи. Въ разстояніи каждыхъ четырехъ миль находилъ онъ Принца и Принцессу, придворныхъ фрейлейнъ и нищихъ. Онъ чрезвычайно удивлялся объявленіямъ любви, дѣлаемымъ ему вездѣ отъ придворныхъ дамъ и фрейлейнъ по откровенности Германской, на которыя отвѣтствовалъ только благопристойными отказами. Проѣхавъ Алпійскія горы, поѣхалъ онъ на корабле по Далматскому морю, и присталъ къ городу, которой ни мало не похожъ былъ на то, что онъ прежде видалъ. Море дѣлало улицы, а домы построены были на водахъ. Малое число публичныхъ мѣстъ, украшающихъ сей городъ, наполнены были мущинами

и

и женщинами, имѣющими двойныя лица, то, коимъ ихъ натура одарила, сдѣланное изъ полотна, весьма дурно разрисованное, которое они сверьхъ натуральнаго надѣвали, такъ что народъ казался быть составленъ изъ чудовищъ. Иностранные, пріѣзжающіе въ сію землю, прежде всего покупали сіи лица, какъ въ прочихъ мѣстахъ снабдѣваютъ себя шапками и башмаками. Амацанъ презрѣлъ сей противной естеству обычай, и показался таковъ, каковъ онъ былъ. Въ городѣ было двенатцать тысячь дѣвушекъ записанныхъ въ большой книгѣ республики, полезныхъ государству, отправляющихъ наиприбыточнѣйшій и пріятнѣйшій торгъ, какой только обогащалъ народъ. Простые купцы посылали съ великимъ коштомъ и страхомъ товары свои въ восточныя страны; а сіи прекрасныя торговки безъ всякаго страха производили торгъ всегда возобновляющійся

отъ

отъ ихъ прелестей. Онѣ всѣ пришли предъ Амацана, и предлагали ему, которую изъ нихъ изберетъ. Онъ убѣжалъ отъ нихъ въ самой скорости, проговаривая имя несравненной красоты Принцессы Вавилонской, и кленясь безсмертными богами, что она гораздо прекраснѣе всѣхъ двенатцати тысячь Венецїанскихъ дѣвушекъ. О ты непостоянная! вскричалъ онъ въ своемъ восхищенiи, я тебя научу какъ быть вѣрною!

Наконецъ желтыя воды Тибрскїя, вонючїя болота, жители блѣдные, худощавые, малочисленные и покрытые старыми дыроватыми епанчами, чрезъ которыя можно было видѣть сухую и черную ихъ кожу, представились его глазамъ, и дали ему знать, что онъ у воротъ города Семи Горъ, сего города воиновъ и законодателей завладѣвшихъ и поправившихъ большую часть земнаго шара.

Онъ

Онъ воображалъ себѣ, что у тріумфальныхъ воротъ увидитъ пять сотъ баталіоновъ подъ командою воиновъ, а въ Сенатѣ собраніе полубоговъ, дающихъ законы въ сей землѣ; но напротивъ того нашелъ, что всю армію составляли около тритцати человѣкъ самобѣднѣйшихъ людей, стоящихъ на караулѣ съ подсолнешниками для защищенія отъ солнца. Дошедъ далѣе до храма, показавшагося ему весьма изряднымъ, но хуже Вавилонскаго. Весьма онъ удивился, услыша въономъ музыку, производимую мущинами, имѣющими женскія голоса.

Вотъ, сказалъ онъ, какая веселая древняя Сатурнова земля. Я видѣлъ городъ, въ которомъ никто не имѣлъ своего лица, а теперь вижу другой, въ коемъ мущины не имѣютъ своихъ ни голоса, ни бороды. Сказали ему, что сіи пѣвцы не дѣйствительные мущины; они лишены своего мужества,

ства, чтобъ пріятнѣе пѣли похвалы превеликаго множества людей достойныхъ. Амацанъ не понималъ ничего, что ему пересказывали. Сіи господа просили его, чтобъ онъ запѣлъ; и такъ началъ онъ пѣть арію Гангаридскую съ обыкновенною своею пріятностію. Голосъ его былъ самой чистой альтъ. Ахъ! государь мой, сказали они ему: какой бы прелестной сопрано вы имѣли; ахъ! естьли.. какъ естьли? что вы чрезъ то разумѣете? .... Ахъ! государь мой! .... Ну? .... Естьли бы вы не имѣли бороды! потомъ изъяснили они ему весьма веселымъ образомъ и по обыкновенію своему съ тѣлодвиженіями комедіантскими, о чемъ была рѣчь. Амацанъ весьма задумался. Я путешествовалъ, сказалъ онъ, а никогда не слыхивалъ о такомъ дурачествѣ.

По довольномъ пѣніи показался старикъ Семигорской, идущій въ многочисленномъ провожа-

ніи

нїи ко дверямъ храма; онъ просѣкалъ воздухъ крестъ на крестъ пальцами своими, поднявъ два большїе къ верьху, а другїе приложа, и притомъ произнося на такомъ языкѣ, какимъ уже больше не говорятъ, сїи слова: *городу и всему свѣту.* (*) Гангаридъ не понималъ, какъ сїи два пальца толь далеко доставать могутъ.

Вскорѣ потомъ увидѣлъ онъ весь придворной штатъ господина свѣта, мимо себя идущїй; оной состоялъ изъ особъ важнаго вида. Одни одѣты были въ красныя, а другїе въ фїолетовыя платья. Почти всѣ прїятнымъ взоромъ смотрѣли на прекраснаго Амацана, кланялись ему и говорили другъ другу: *San Martino, che bel' ragazzo! ſan Pancratio, che bel' fanciullo!*

Красныя, коихъ должность состояла въ томъ, чтобъ показывать иностраннымъ любопытство до-

(*) Vrbi et orbi.

достойное въ городѣ, старались показать ему розвалины древнихъ стѣнъ, въ которыхъ бы и пастухъ муловъ не хотѣлъ препроводить ночи; однако оныя были достойные знаки великости знатнѣйшаго на свѣтѣ народа. Онъ видѣлъ еще картины двухъ сотъ лѣтнія и статуи, коимъ было больше двазцати вѣковъ, и которыя ему несравненнаго искусства показались. Дѣлаете ли вы еще такую работу? . . . Нѣтъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ ему одинъ красной: но мы пренебрегаемъ всѣми на земли, по тому что сохраняемъ сіи рѣдкости. Мы подобно ветошникамъ, получаемъ нашу славу отъ старыхъ платьевъ, хранящихся въ нашихъ лавкахъ.

Амаданъ желалъ видѣть дворецъ, куда его и проводили. Представились ему тамъ люди въ фіолетовомъ платьѣ, считающіе государственные доходы, собираемые

мые съ земель поселенныхъ на Двинѣ, на Луарѣ, на Гвадалквивирѣ и на Вислѣ. Такъ то, сказалъ Амацанъ, посмотря на свою Географическую карту, Государь вашъ обладаетъ всею Европою, какъ и древнiе воины Семигорскiе? Онъ долженъ обладать и всѣмъ свѣтомъ по праву божественному, отвѣчалъ ему одинъ изъ одѣтыхъ въ фiолетовомъ платьѣ: да и было время, въ которое его предки приближались ко всеобщей монархiи; но потомки ихъ нынѣ изволятъ только довольствоваться нѣкоторымъ числомъ денегъ, кои Короли, ихъ подданные, платятъ имъ на подобiе дани.

И такъ Государь вашъ, сказалъ Амацанъ, не иначе почитается, какъ Король Королей: я думаю, что сей настоящiй его титулъ? Нѣтъ, Ваше Превосходительство, титулъ его *слуга слугъ*; онъ по происхожденiю своему рыбакъ и привротникъ; и для того знаки

его

его достоинства состоятъ въ ключахъ и сѣтяхъ; но онъ повелѣваетъ всѣми Королями. Не давно послалъ онъ сто и одно повелѣнїе Королю земли Цельтской, и Король послушалъ.

Рыбакъ вашъ, безъ сомнѣнїя, сказалъ Амаданъ, послалъ притомъ пять или шесть сотъ тысячь человѣкъ, чтобъ заставить исполнить свои сто и одно повелѣнїя?

Нѣтъ, Ваше Превосходительство, нашъ святой повелитель не столь богатъ, чтобъ могъ содержать и десять тысячь солдатъ; но онъ имѣетъ отъ четырехъ до пяти сотъ тысячь Божїихъ пророковъ, распредѣленныхъ по другимъ землямъ. Сїи пророки въ одеждахъ разныхъ цвѣтовъ, содержатся по справедливости на коштѣ народномъ; они предвѣщаютъ именемъ небеснымъ, что Государь мой можетъ ключьми своими отпирать

и запирать всѣ замки, а собливо крѣпкихъ сундуковъ. Нормандскій попъ будучи у Короля, о которомъ я вамъ говорю, въ великой довѣренности, уговорилъ его, что должно ему безмолвно повиноваться сто и одному повелѣнію моего Государя; надобно вамъ знать, что одно изъ преимуществъ Семигорскаго старика состоитъ въ томъ, что онъ всегда имѣетъ право, хотябы удостоивалъ съ кѣмъ говорить, или къ кому писать.

Вотъ какой отмѣнной человѣкъ, сказалъ Амацанъ: я бы любопытенъ былъ съ нимъ обѣдать. . . . Ваше Превосходительство, хотя бы вы были и Король, то бы не могли съ нимъ кушать за однимъ столомъ; онъ бы больше для васъ не сдѣлалъ, какъ посадилъ бы васъ за столъ по сторону себя, которой былъ бы гораздо меньше и ниже его стола. Но естьли вы хотите имѣть

честь

честь съ нимъ говорить, то я испрошу у него вамъ аудіенціи посредствомъ *буона манціа*, которую мнѣ пожалуете. Весьма охотно, сказалъ Гангаридъ. Фіолетъ ему поклонился. Я васъ завтра введу, сказалъ онъ; вы сдѣлаете три колѣнопреклоненія, и поцѣлуете ноги старика Семигорскаго. При сихъ словахъ Амацанъ надсѣлся было со смѣху; онъ вышелъ державъ себя за бока, и смѣялся до слезъ во всю дорогу, пока дошелъ до своего трактира, гдѣ онъ еще весьма долго смѣялся.

Во время его обѣда, двадцать человѣкъ безъ бородъ и двадцать скрипачей играли концертъ. Остатокъ дня былъ онъ посѣщаемъ знатными господами въ городѣ; они предлагали ему дѣла гораздо чуднѣе цѣлованія ногъ старика Семигорскаго. Какъ онъ былъ чрезвычайно учтивъ, то подумалъ тотчасъ, что сіи господа по-

почли его за даму, и такъ старался ихъ съ большею осторожностїю и честностїю вывесть изъ сомнѣнія. Но будучи принуждаемъ нѣсколько горячо двумя или тремя наiотважнѣйшими фiолетами, выбросилъ онъ ихъ изъ окошка, не надѣясь чрезъ то сдѣлать большую жертву прекрасной формозантѣ. Онъ въ самой скорости оставилъ сей городъ господъ свѣта, гдѣ должно было цѣловать ногу старику, какъ будто бы на оной была его щека, и гдѣ съ молодыми людьми обходились весьма чуднымъ образомъ.

§. 10.

Сей примѣръ постоянства странствуя по разнымъ землямъ и противясь навсегда всѣмъ ставимымъ ему любовнымъ сѣтямъ, безпрестанной вѣрности къ Принцессѣ Вавилонской, а напротивъ того въ неупολимомъ

сердцѣ противъ Короля Египетскаго, пріѣхалъ въ новую столицу Галловъ. Сей городъ также, какъ и многіе другіе, прошелъ всѣ степени варварства, невѣжества, глупости и бѣдности. Первое его имя было грязь и дрязгъ: потомъ принялъ онъ имя Изисы, отъ служеія Изисѣ до него. Первой его Сенатъ составлялъ собраніе корабельщиковъ. Онъ былъ долгое время невольникъ воиновъ, грабителей Семигорскихъ, и чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ того другіе воины разбойники пришедъ съ той стороны Рейнскаго берега, овладѣли его землею.

Время, перемѣняюще все, сдѣлало изъ него такой городъ, котораго половина была весьма благородна и пріятна, а другая нѣсколько груба и смѣшна. Сіе было изображеніе его жителей. Въ немъ было по крайней мѣрѣ близъ ста тысячь человѣкъ, неимѣющихъ инаго дѣла, какъ только

ко играть и веселиться. Сей праздной народъ разсуждалъ о искусствахъ, въ которыхъ другїе упражнялись. Они не знали ничего, что при Дворѣ дѣлается, хотя оной былъ отъ нихъ разстоянїемъ только четыре малыхъ мили, а имъ они казались по крайней мѣрѣ за шесть сотъ миль. Прїятность общества, веселость, праздность, были ихъ важныя и единственныя дѣла, управляли ими какъ дѣтьми, которымъ даютъ множество игрушекъ, чтобъ ихъ отъ крику удержать. Естьли говорили о жестокости, съ какою, два вѣка тому назадъ, раззорено было ихъ отечество, и о ужасныхъ временахъ, въ которыхъ половина народа порубили другую изъ одного только предубѣжденїя, то они на то отвѣчали, что въ самомъ дѣлѣ сїе было не хорошо, а потомъ опять начинали смѣяться и пѣть уличныя пѣсни.

чѣмъ учтивѣе, веселѣе и любезнѣе были праздные, тѣмъ больше примѣчалось между ими и собраніями упражненныхъ людей жалостнаго несогласія.

Между сими упражненіями или почитающими себя за такихъ, была толпа темныхъ, частію глупыхъ, частію великихъ лукавцовъ, коихъ одинъ только взоръ опечаливалъ землю, и которые бы ее, естьли бы могли, совсѣмъ переворотили, чтобъ привесть себя не много въ знать. Народъ праздныхъ прогонялъ ихъ пляскою своею и пѣніемъ въ ихъ пещеры, какъ птицы принуждаютъ совъ прятаться въ разсѣлины развалившихся стѣнъ.

Другія, упражненныя въ гораздо меньшемъ числѣ, были сохранители древнихъ обыкновеній варварскихъ, противъ коихъ устрашенное естество громкимъ голо-

сомъ

сомъ вопїяло; они совѣтовали только съ своими реестрами, черьвями источенными. Естьли они въ нихъ усматривали обыкновенїе несмысленное и ужасное, то почитали оное за святой законъ. Отъ сего-то подлаго обыкновенїя, когда они не смѣли вольно думать, а почерпали свои понятїя изъ остатковъ тѣхъ временъ, въ которыя ничего не думали, произошли въ самомъ веселомъ городѣ жестокїе обычаи. По сей-то причинѣ не было никакого размѣра между преступленїями и наказанїями. Осуждали иногда невиннаго на несноснѣйшїя мученїя, чтобъ признался въ преступленїи, котораго совсѣмъ не дѣлалъ.

Наказывали за несмысленную продерзость юности столько же, какъ и за отравленїе ядомъ или убїйство родителей. Праздные произносили великой крикъ, а на другой день больше о томъ и не думали, а говорили только о новыхъ модахъ.

Въ

Въ глазахъ сего народа протекъ цѣлой вѣкъ, во время котораго искусства достигли до такого степени совершенства, какого никогда надѣяться не осмѣливались; тогда прїѣзжали иностранные какъ въ Вавилонъ, чтобъ удивлялися великимъ монументамъ Архитектуры, удивительнымъ садамъ, превосходному искусству рѣзному и рисовальному; они чрезвычайно плѣнялись музыкою, которая трогала сердце, не обезпокоивая слуха.

Истинное стихотворство, то есть, естественное и согласное, чувствительное столько же сердцу, какъ и разуму, стало извѣстно народу въ семъ только щастливомъ вѣкѣ. Новые роды краснорѣчїя изъявляли красоты превосходныя. Особливо театры чрезвычайнымъ своимъ искусствомъ толь прославились, что никакой народъ имъ подобныхъ никогда не производилъ; наконецъ оказался

хо-

хорошій вкусъ и во всѣхъ ремеслахъ, такъ что и у Друидовъ сдѣлались хорошіе писатели.

Такія лавры, вознестіяся до облаковъ, засохли опять скоро въ истощенной землѣ. Ихъ осталось только весьма мало, но и оныхъ зеленые листья совсѣмъ пожелтѣли и помертвѣли. Упадокъ сдѣлался отъ того, что трудъ стали почитать за лехкой, и лѣнились сдѣлать хорошее, наскучивъ уже хорошимъ, а плѣнясь совсѣмъ страннымъ. Тщеславіе стало защищать художниковъ, которые опять ввели времена варварства; и сіе то самое тщеславіе, изгнавъ истинныя достоинства, принудило ихъ оставить свое отечество, оводъ прогналъ пчелъ.

Не стало уже почти больше истинныхъ искусствъ и естественнаго понятія. Все искусство стояло въ томъ, чтобъ безумно разсуждать о достоинствахъ прошедшаго вѣка; марател

 стѣнь

стѣнъ питейнаго дому опорочивалъ, какъ ученой человѣкъ, картины великихъ рисовальныхъ мастеровъ, маратели бумаги превращали дѣла великихъ писателей. Невѣжество и дурной вкусъ имѣли еще другихъ марателей на своемъ содержанiи, повторяли тѣ же самыя дѣла во стѣ фолiантахъ подъ разными титулами. Все было либо лексиконъ, или пустые не дѣльные листочки. Писатель газетъ изъ Друидовъ писалъ два раза въ недѣлѣ темныя лѣтописи о нѣкакихъ обладаемыхъ дiаволомъ, совсѣмъ народу неизвѣстныхъ, и о чудесахъ небесныхъ, производимыхъ въ углу подъ крышкою малыми нищими и нищенькими; другiе исключенные изъ Друидовъ, одѣтые въ черное платье, будучи при смерти отъ сердца и голода, жаловались во стѣ сочиненiяхъ, что имъ больше не позволяли обманывать людей, оставляли сiе право козламъ, одѣтымъ

тымъ въ сѣрое платье. Нѣкоторые Архидруиды печатали и пасквили.

Амацанъ ничего того не зналъ; а хотя бы и зналъ, однако бы то его не обезпокоивало, по тому что имѣлъ голову наполненную мыслями о Принцессѣ Вавилонской, о Королѣ Египетскомъ, и о ненарушимой своей клятвѣ, чтобъ презирать всѣ любовныя обхожденія съ дамами, въ какую бы землю печаль его ни привела.

Вся подлость легкомысленная, глупая и приводящая до крайности сродное людямъ любопытство, долго собравшись, стояла около его единороговъ. Женщины, будучи гораздо умнѣе, вошли силою въ двери, чтобъ на него самаго посмотрѣть.

Съ начала оказалъ онъ своему хозяину желаніе быть во дворцѣ; но праздные хорошаго общества, случившіеся тутъ нечаяннымъ образ-

бразомъ, сказали ему, что нынѣ уже то не въ обычаѣ, что времена весьма перемѣнились, и нѣтъ больше увеселенія, какъ въ городѣ. Того же вечера просила его къ себѣ ужинать одна дама, которой разумъ и дарованія внѣ ея отечества были извѣстны. Она бывала въ нѣкоторыхъ земляхъ, чрезъ кои Амацанъ проѣхалъ. Сія дама и бывшее у нее собраніе весьма ему понравились. Вольность тамъ была благопристойная, веселость безъ шуму, наука безъ отвращенія и разумъ безъ высоконарности. Онъ увидѣлъ, что имя хорошаго собранія непустое названіе, хотя оно часто и пренебрегаемо бываетъ. На другой день обѣдалъ онъ въ обществѣ не меньше пріятномъ, но больше роскошномъ. Чѣмъ довольнѣе онъ былъ гостьми, тѣмъ больше имъ были довольны. Духъ его началъ уже смягчаться и таять такъ, какъ ароматы его земли распускаются

по немногу на умѣренномъ огнѣ, и производятъ пріятной запахъ.

Послѣ обѣда повели его на прелестное позорище, проклятое Друидами по тому, что оно лишало ихъ слушателей, весьма для нихъ нужныхъ. Сіе позорище состояло изъ пріятныхъ стиховъ, изъ прелестнаго пѣнія, танцованія изъявляющаго движенія души и изъ проспектовъ, увеселяющихъ глаза, обманывая притомъ оные. Сей родъ увеселенія, содержащій въ себѣ множество другихъ, былъ только извѣстенъ подъ иностраннымъ именемъ; онъ назывался *олерою*, что напредъ сего значило на языкѣ Семи Горъ: работа, попеченіе, упражненіе, прилѣжность, предпріятіе, трудъ, дѣло. Сіе-то дѣло его плѣнило, особливо одна дѣвица тронула его пріятнымъ своимъ голосомъ и прелестнымъ видомъ, съ онымъ сопряженнымъ; сія дѣвушка представлена

на ему была послѣ позорища новыми его пріятелями. Онъ подарилъ ей горсть алмазовъ. Она за то столь была благодарна, что во весь день отъ него не отошла. Онъ съ нею ужиналъ, и во время стола забылъ свою воздержность, а послѣ ужина забылъ и клятву, чтобъ быть всегда не чувствительнымъ противъ красоты, и неупросимымъ при нѣжныхъ объявленіяхъ любви. Какой примѣръ слабости ловѣческой!

Прекрасная Принцесса Вавилонская пріѣхала тогда съ фениксомъ, съ придворною своею дамою Ирлою, и съ двумя стами конницы Гангаридской на единорогахъ. Должно было довольно долго дожидаться, пока отперли городскія ворота. Она спросила тотчасъ наипрекраснѣйшій, наихрабѣйшій, наиразумнѣйшій и наивѣрнѣйшій изъ смертныхъ въ семъ ли еще городѣ? Правители онаго догадались, что она говоритъ

ритъ о Амацанѣ, проводили ее въ нанимаемой имъ домъ. Она вошла съ сердцемъ трепещущимъ отъ любви, духъ ея пронзенъ былъ неизреченною радостїю, что наконецъ увидятъ въ своемъ любовникѣ примѣръ постоянства. Ничто не препятствовало входу ея въ его покой; занавѣски были отдернуты; она увидѣла прекраснаго Амацана, спящаго въ объятїяхъ пригожей брюнетки. Они оба имѣли весьма великую нужду въ покоѣ.

формозанта произнесла жалостной стонъ, раздавающїйся по всему дому, но оной не могъ разбудить ни ея брата, ни дѣвицы. Она безъ памяти упала на руки Ирлѣ. Какъ скоро опять опамятовалась, то вышла изъ сего несноснаго покоя съ печалїю, смѣшенною съ великимъ гнѣвомъ. Ирла освѣдомилась, кто такова была сїя молодая дѣвушка, препровождающая толь прїятно вре-

мя съ прекраснымъ Амацаномъ. Ей сказали, что она была *театральная дѣвушка*, весьма снисходительная, соединяющая съ прочими своими дарованіями и пріятность пѣнія. О праведное небо! о мощной Оросмадъ! вскричала прекрасная Принцесса Вавилонская, погруженная въ слезахъ, кѣмъ я измѣнена, и для кого! И такъ тотъ, которой для меня отказывалъ толь многимъ Принцессамъ, мѣняетъ меня на негодную Галскую театральную дѣвку! Нѣтъ, я не могу перенести сего поруганія.

Такъ-то, милостивая государыня, сказала ей Ирла, всѣ молодые люди въ цѣломъ свѣтѣ поступаютъ, хотя бы они были влюблены въ красоту, снизшедшую съ небесъ, однако въ состояніи въ иномъ случаѣ сдѣлать ей невѣрность самою подлою трактирною служанкою.

Я пропала, сказала Принцесса, я его во всю мою жизнь не увижу; поѣдемъ тотчасъ, велите закладывать единороговъ. фениксъ просилъ ее, чтобъ по крайней мѣрѣ подождала, какъ Амацанъ проснется, и съ нею можетъ поговорить. Онъ того недостоинъ, сказала Принцесса: ты бы меня жестоко тѣмъ обидилъ; онъ бы подумалъ, что я тебя просила, чтобъ ему дѣлать выговоры, и что я хочу съ нимъ примириться. Естьли ты меня любишь, то не присоединяй сего посрамленія къ посрамленію, которое онъ мнѣ сдѣлалъ. фениксъ, будучи сверьхъ всего долженъ жизнію своею дочерѣ Короля Вавилонскаго, не могъ ее ослушаться. Она поѣхала назадъ со всею своею свитою. Куда мы поѣдемъ, милостивая государыня, спросила ее Ирла! Я не знаю, отвѣчала Принцесса. Мы поѣдемъ по первой дорогѣ, которая намъ попадет-

дется, только бы мнѣ отъ Амацана уѣхать, я буду тѣмъ довольна. фениксъ будучи умнѣе формозанты, по тому что былъ безъ страсти, утѣшалъ ее дорогою, выговаривая ей съ смиренiемъ, что весьма жалко мучить себя за чужiе проступки, представляя ей притомъ, что Амацанъ оказалъ ей много похвалныхъ опытовъ своей вѣрности, за которую она ему малое его забвенiе простить можетъ; чтобъ тотъ былъ праведной, которому бы милости Оросмадовой не доставало; что онъ будетъ впредь въ любви и въ добродѣтели тѣмъ постояннѣе; желанiе къ поправленiю своей погрѣшности тѣмъ больше его возвыситъ, и она чрезъ то будетъ щасшливѣе, что многiя великiя Принцессы прощали сему подобныя преступленiя, и были онѣ того благополучны. Онъ представлялъ ей оному примѣры, и толь искусно умѣлъ рас-

расказать, что формозанта начала въ мысляхъ своихъ успокоиваться, и не желала толь скоро уѣхать, почитала, что единороги ея бѣжали весьма скоро; но не осмѣлилась возвратиться, будучи противоборствуема склонностїю къ прощенїю, и желанїемъ, чтобъ показать свой гнѣвъ, любовїю и тщеславїемъ. Она дала свободу бѣжать своимъ единорогамъ; и такъ ѣздила по свѣту по предсказанїю оракула, своего родителя.

Амазанъ проснувшись, услышалъ о прїѣздѣ и возвращенїи формозанты и феникса; пересказали ему объ отчаянїи и гнѣвѣ Принцессиномъ, и какъ она клялась, что его никогда не проститъ. Мнѣ больше ничего не остается, вскричалъ онъ, какъ ѣхать за нею въ слѣдъ, и умертвить себя у ея ногъ.

Прїятели его изъ хорошаго общества праздныхъ прибѣжали

на слухъ, пронесшійся о семъ приключеніи. Они всѣ представляли ему, чтобъ несравненно лучше для него было, естьли бы онъ у нихъ жить остался; ничто не можетъ, говорили они, сравниться съ пріятною жизнію, которую они ведутъ посреди искусствъ и покойной и нѣжной роскоши. Множество иностранныхъ, да и сами Короли, предпочитали сей покой толь пріятно употребленной и толь плѣняющій своему отечеству и престолу. Сверьхъ того карета его изломана, и каретникъ дѣлаетъ ему новую по новой модѣ, а наилучшій портной въ городѣ скроилъ уже ему дюжину платья по самому новому вкусу. Веселыя и любезныя дамы въ городѣ, у которыхъ весьма изрядно играютъ комедіи, назначили каждая день, чтобъ дѣлать для него празднества. Дѣвка между тѣмъ пила шеколадъ, сидя за уборнымъ столикомъ, смѣялась, пѣла и дѣлала

дала всякїя ласкательства прекрасному Амацану, которой наконецъ узналъ, что у нее не больше было смысла, какъ у гуся.

Какъ искренность, чистосердечїе, откровенность, также какъ великодушїе и мужество, составляли нравъ сего великаго Принца, то расказалъ онъ начатїя и путешествїя своимъ прїятелямъ. Они знали, что онъ былъ Принцессѣ братъ двоюродной, и были притомъ свѣдомы и о нещастномъ поцѣлуѣ данномъ ею Королю Египетскому. И такъ сказали ему, что такїе малые проступки между свойственниками простительны; въ противномъ же случаѣ должно было быть въ безпрестанныхъ ссорахъ. Ничто не отвратило его намѣренїя, чтобъ ѣхать за формозантою, но карета его была еще не готова; и такъ принужденъ онъ былъ препроводить три дни между сими праздными

въ

въ безпрестанныхъ празднествахъ и веселіяхъ. Наконецъ простился онъ съ ними, обнявъ ихъ, подаря имъ наилучшихъ алмазовъ своей земли, и совѣтуя, чтобъ себя сдѣлать тѣмъ любезнѣе и щастливѣе. Германцы, сказалъ онъ, старики въ Европѣ, Албіонскіе жители люди возмужалые, жители Галскіе дѣти, и я люблю съ ними играть.

§. II.

Проводники его не имѣли труда ѣхать въ слѣдъ за Принцессою, по тому что вездѣ объ ней и о большой ея птицѣ говорили. Всѣ жители наполнены еще были чрезвычайнымъ удивленіемъ. Народы Далматскіе и Маркъ-Анконскіе не столь много дивились: потомъ видя по воздуху летающій домъ, брега Луарскіе, Дордонскіе, Гаронскіе и Гироискіе произносили еще радостныя восклицанія.

Какъ

Какъ Амацанъ приближился къ Пиренейскимъ горамъ, то правители земли и Друиды принудили его противъ воли протанцовать минуетъ, называемой на ихъ языкѣ тамбуринъ; проѣхавъ же Пиренейскія горы, не видалъ уже онъ больше веселія и радости; хотя иногда и слышалъ вдали пѣніе пѣсенъ, но оныя были всѣ жалкимъ голосомъ: жители важнымъ образомъ ходили съ нацѣпленными шариками, подпоясанные палашами. Народъ, одѣтой въ черное платье, казался быть въ траурѣ. Естьли служители Амацановы спрашивали о проѣзжающихъ, то оные отвѣчали имъ только знаками. Когда же входили въ трактиръ, то хозяинъ изъяснилъ имъ только въ трехъ словахъ, что въ домѣ ничего нѣтъ, а должно, естьли что скоро надобно, искать за нѣсколько миль.

Когда у сихъ безмолвныхъ спрашивали, не видали ли они проѣз-

ѣзжающей Принцессы Вавилонской? то отвѣчали они на то нѣсколько обстоятельнѣе: мы ея видѣли, она не такъ хороша, нѣтъ ничего прекраснѣе, какъ отъ солнца загорѣлыхъ лицъ: она выставливаетъ грудь бѣлизною подобную алебастру, но оная вещь на свѣтѣ наипротивнѣйшая, чего въ нашихъ странахъ почти совсѣмъ не знаютъ.

Амацанъ приближился къ провинціи, чрезъ которую рѣка Бетисъ протекаетъ. Не прошло еще двенатцати тысячь лѣтъ, какъ сія земля найдена Тиріянами въ самое то время, какъ они открыли великой островъ Атлантической, спустя нѣсколько вѣковъ, послѣ того потонувшій. Тиріяне обработывали землю Бетискую, которую природные жители оставили впустѣ, воображая себѣ, что имъ ни во что мѣшаться не должно, а надобно Галламъ, сосѣдямъ ихъ, работать

тать земли. Тирїяне привезли съ собою Палестиновъ, которые съ того времени бѣгали по всѣмъ странамъ, гдѣ бы только достать себѣ денегъ. Сїи Палестины отдавая оныя въ ростъ по пятидесяти на сто, завладѣли почти всѣми богатствами земли. Се подало народу Бетискому причину думать, что Палестины колдуны, и всѣ обвиненные въ колдовствѣ сожигались безъ милосердїя нѣкоторымъ обществомъ Дрюидовъ, называемыхъ изслѣдователями, или Антропокайями. (*) Сїи попы тотчасъ надѣвали на нихъ платья маскерадныя, захватывали всѣ ихъ имѣнїя, и читали съ благоговѣнїемъ свои природныя Палестинскїя молитвы между тѣмъ, какъ тѣхъ изъ любви къ богамъ (*por l' amor de Dios*) на не большомъ огнѣ жарили.

Прим-

(*) Человѣкосожигатели.

Принцесса Вавилонская остановилась въ городѣ, называемомъ потомъ Севилла. Намѣренiе ея было, чтобъ въ Бетисѣ сѣсть на корабль и возвратиться чрезъ Тиръ въ Вавилонъ, гдѣ увидѣться опять съ Королемъ Белусомъ, своимъ родителемъ, и забыть, естьли можно, невѣрнаго своего любовника, или по крайней мѣрѣ просить его себѣ въ мужа. Она велѣла позвать къ себѣ двухъ Палестиновъ исправляющихъ всѣ придворныя дѣла. Они должны были ей достать три корабля. Фениксъ сдѣлалъ съ ними всѣ надлежащiя распоряженiя, и нѣсколько поспоря, согласился въ цѣнѣ.

Хозяйка была весьма набожна, а мужъ ея не меньше, сверьхъ же того и фамилiяръ, то есть, шпiонъ Дрюидовъ, изыскателей Антропокайевъ: онъ не оставилъ, чтобъ ихъ не увѣдомить, что у него въ домѣ есть колдунья и

два

два Палестина, которые имѣютъ согласіе съ діаволомъ, превращеннымъ въ большую позолоченную птицу; изыскатели провѣдавъ, что у дамы было превеликое множество алмазовъ, почли ее тотчасъ за колдунью. Они дожидались только ночи, чтобъ запереть двѣсти человѣкъ конницы и единороговъ, которые спали въ большихъ конюшняхъ, по тому что изыскатели трусы.

Заперши крѣпко ворота, овладѣли они Принцессою и Ирлою; феникса же взять не могли: онъ тотчасъ улетѣлъ въ той надеждѣ, что увидитъ Амацана, ѣдущаго по дорогѣ изъ Галліи въ Севиллу.

Онъ повстрѣчался съ нимъ на границѣ Бетиской, и расказалъ ему о нещастіи Принцессиномъ. Амацанъ отъ жалости и досады не моiъ ни слова выговорить. Тотчасъ надѣлъ на себя

стальныя золотомъ оправленныя латы, взялъ копье въ двенатцать футъ длиною, два праща и острой мечь, называемой *огненнымъ*, которымъ могъ однимъ махомъ разсѣкать деревья, каменья и Друидовъ пополамъ; онъ надѣлъ на голову шишакъ золотой съ перьями коршуновыми и штраусовыми. Сїе было древнее оружїе Магогово, которымъ сестра его Алдея подарила во время путешествїя чрезъ Скиѳскую землю: малое число людей его провожающихъ тотчасъ сѣли, какъ и онъ, каждой на своего единорога.

Амаданъ обнявъ любезнаго своего феникса, сказалъ ему только сїи жалостныя слова: Я виноватъ, естьли бы я не спалъ съ *театральною дѣвкою* въ городѣ праздныхъ, то бы прекрасная Принцесса Вавилонская не была въ семъ ужасномъ состоянїи. Поскачемъ поскорѣе къ Антропокай-

кайямъ. Тотчасъ прїѣхали въ Севиллу: тысяча пять сотъ алгвазиловъ караулили у дверей того мѣста, въ которомъ двѣсти Гангаридовъ съ единорогами своими были безъ пищи заперты. Все уже было приготовлено къ жертвѣ, которую надъ Принцессою Вавилонскою, надъ придворною ея дамою Ирлою и надъ двумя богатыми Палестинами исполнять хотѣли.

Главной Антропокай, будучи окруженъ нижними Антропокайями, сидѣлъ уже на своемъ освященномъ судилищѣ; толпа Севилловъ, носящихъ нацѣпленные шарики на своихъ поясахъ, стояли сложа руки, и не говоря ни слова, Принцессу Вавилонскую, Ирлу и двухъ Палестиновъ вели уже завязавъ руки назадъ и одѣтыхъ въ маскерадное платье.

фениксъ пролетѣлъ сквозь кровельное окошко въ тюрьму, въ которой Гангариды начали уже

проламывать двери. Непобѣдимой Амацанъ ломалъ ихъ снаружи. Они вышли всѣ вооружены, сѣли на своихъ единороговъ; Амацанъ сталъ ими предводительствовать. Ему не трудно было побѣдить Алгвазиловъ, фамиліяровъ, поповъ Антропокайевъ; каждой единорогъ побивалъ ихъ цѣлыя дюжины вдругъ. Амацанъ мечемъ своимъ разрубалъ на двое всѣхъ тѣхъ, которые ему попадались; народъ въ черныхъ епанчахъ и съ замаранными крагенами бѣжалъ, державъ въ рукахъ освященные свои шарики. (*por l' amor de Dios.*)

Амацанъ схватилъ своею рукою главнаго изыскателя на судилищѣ, и взбросилъ его на пріуготовленной въ сорокѣ шагахъ отъ него костеръ; онъ пометалъ на оной и нижнихъ изыскателей одного за другимъ, а самъ палъ къ ногамъ формозанты. Ахъ! какъ вы любезны, сказала она, и какъ

бы

бы я васъ обожала, естьли бы вы не сдѣлали мнѣ невѣрности *театральною дѣвкою*.

Между тѣмъ, какъ Амацанъ примирялся съ Принцессою, а Гангариды взваливали на костеръ тѣла всѣхъ Антропокайевъ, и пламя воздымалось до небесъ, увидѣлъ онъ издали подобно армїю, идущую къ себѣ. Престарѣлой Монархъ, имѣя корону на главѣ, приближался на колесницѣ, везенной восмью мулами запряженныхъ веревками; а сто другихъ колесницъ слѣдовали за нимъ. Они были провожаемы важными особами въ черныхъ епанчахъ съ крагенами, ѣдущими верьхомъ на весьма хорошихъ лошадяхъ; множество людей шли пѣшками молча, съ засаленными волосами.

Амацанъ построилъ тотчасъ Гангаридовъ, и выступалъ поднявъ свое копье. Какъ скоро Король его увидѣлъ, то снялъ онъ свою корону, слѣзъ съ колесницы, обнялъ

нялъ стремя Амаѳаново, и говорилъ ему: человѣкъ, посланной отъ Бога, ты отмститель рода человѣческаго, избавитель моего отечества, мой защитникъ. Сіи освященныя чудовища, отъ которыхъ вы очистили землю, были мои повелители, именемъ старика Семи Горъ; я принужденъ былъ сносить порочную ихъ власть. Народъ мой оставилъ бы меня, ежели бы я хотя мало захотѣлъ умѣрить ихъ ужасныя жестокости. Съ сего дня я ожилъ, царствую, и вамъ онымъ долженъ.

Потомъ поцѣловалъ онъ съ почтенїемъ руку у формозанты, и просилъ ее съ Амаѳаномъ, Ирлою и съ фениксомъ сѣсть въ его колесницу, запряженную восмью мулами. Два Палестина, Банкиры придворные, лежащїе еще распростерты на землѣ отъ ужаса и благодарности встали, а конница на единорогахъ поѣхала за Королемъ Бетискимъ къ его дворцу.

Какъ

Какъ достоинство Короля важнаго народа требовало, чтобъ мулы его шли тихо, то Амаданъ и Формозанта имѣли время расказать ему свои приключенія. Онъ разговаривалъ также и съ фениксомъ, удивлялся ему, и цѣловалъ его многократно. Онъ понималъ, сколь несмысленные скотски и звѣрски полночные народы ѣдящіе звѣрей, и неразумѣющіе больше своего языка? Утверждалъ, что одни только Гангариды соблюли естество и главное достоинство человѣческое; но особливо признавался, что наибольшіе варвары изъ смертныхъ были изыскатели Антропокаи, отъ которыхъ Амаданъ очистилъ свѣтъ. Онъ не переставалъ его выхвалять и благодарить. Прекрасная Формозанта забывала уже о происшествіи Амадановомъ съ *театральною дѣвкою*, и мысли ея наполнены были только храбростію сего Героя, спасшаго ей

 жизнь.

жизнь. Амацанъ будучи увѣдомленъ о невинности поцѣлуя, даннаго ею Королю Египетскому, но о оживленіи феникса объятъ былъ истинною радостію, и наполненъ весьма сильною любовію.

Обѣдали во дворцѣ, и столъ былъ довольно не хорошъ. Бетискіе повара были самые дурные въ Европѣ. Амацанъ совѣтовалъ, чтобъ привесть Галскихъ. Музыканты Королевскіе во время стола играли славную арію, называемую въ послѣдующіе вѣки, Дурачества Ишпанскія. (*Les folies d' Espagne.*) Послѣ обѣда говорили о дѣлахъ.

Король спрашивалъ у прекрасныхъ Амацана, формозанты и феникса, что они начать думаютъ? Что до меня принадлежитъ, сказалъ Амацанъ, то я намѣренъ ѣхать въ Вавилонъ, котораго я ближній наслѣдникъ, и просить у дяди моего Белуса сестру мою

двою-

двоюродную, несравненную формозанту себѢ въ супругу, естьли она не пожелаетъ со мною жить у Гангаридовъ.

Мое намѢренїе, сказала Принцесса, непремѢнное то, чтобъ никогда не разлучаться съ братомъ моимъ Амацаномъ, да и долгъ требуетъ, чтобъ я возвратилась къ Королю, моему родителю, по тому что онъ мнѢ далъ позволенїе Ѣхать только въ Бассору, а я объѢхала весь свѢтъ. Что до меня принадлежитъ, сказалъ фениксъ, то я буду повсюду слѢдовать симъ нѢжнымъ и великодушнымъ любовникамъ.

Вы справедливо говорите, сказалъ Король Бетискїй, но возвращенїе ваше въ Вавилонъ не такъ лехко, какъ вы думаете. Я имѢю каждой день извѢстїя съ кораблями Тирскими, и чрезъ моихъ Банкировъ Палестиновъ, которые со всѢми народами на свѢтѢ переписываются, что около

Эвфрата и Нила всѣ приняли оружїе. Король Скиѳскїй требуетъ наслѣдства своей супруги съ тремя стами тысячами человѣкъ конницы. Короли Египетскїй и Индѣйскїй опустошаютъ брега Тигрскїе и Эвфратскїе, каждой съ тремя стами тысячами человѣкъ, чтобъ отмстить за учиненное имъ посмѣянїе. Въ отсутствїежъ Короля Египетскаго Король Еѳїопскїй раззоряетъ Египетъ съ тремя же стами тысячами человѣкъ, а Король Вавилонскїй не больше еще имѣетъ къ своему защищенїю, какъ шесть сотъ тысячь человѣкъ.

Я вамъ признаюсь, продолжалъ Король, что когда услышу о сихъ преужасныхъ армїяхъ, которыя восточныя земли, такъ сказать, выбрасываютъ изъ своего нѣдра, и о чрезвычайномъ ихъ великолѣпїи; то сравнивая ихъ съ нашими малыми корпусами, состоящими изъ двадцати

или

или тритцати тысячь человѣкъ солдатъ, коихъ толь трудно одѣть и содержать, покушаюсь думать, что восточныя страны гораздо прежде западныхъ сотворены. Кажется, какъ будтобы мы третьяго дня только вышли изъ ничего, а вчера изъ невѣжества.

Всемилостивѣйшій Государь, сказалъ Амацанъ: пришедшіе послѣ побѣждаютъ иногда пришедшихъ на мѣсто прежде. Въ моей землѣ думаютъ, что человѣкъ происходитъ изъ Индіи, но я о томъ подлиннаго извѣстія не имѣю.

А ты, сказалъ Король Бетискій фениксу, что о семъ думаешь? Всемилостивѣйшій Государь, отвѣчалъ фениксъ, я еще весьма молодъ, чтобъ мнѣ знать древности. Я жилъ только близь дватцати семи тысячь лѣтъ; но отецъ мой, жившій въ пять разъ больше сихъ лѣтъ, сказывалъ

 мнѣ,

мнѣ, что онъ слыхалъ отъ своего отца, что восточныя страны были всегда многолюднѣе и богатѣе другихъ. Предки его сказывали ему также, что начало рожденія всѣхъ звѣрей было на брегахъ Гангскихъ; что до меня принадлежитъ, то я не столько тщеславенъ, чтобъ быть сего мнѣнія. Я не могу повѣрить, чтобъ лисицы Албіонскія, сурки Алпійскіе и волки Галскіе происходили изъ моей земли такъ, какъ я не вѣрю, чтобъ сосны и дубы вашихъ странъ имѣли свое происхожденіе отъ пальмовыхъ и кокосовыхъ деревъ Индѣйскихъ.

Но откуда же мы происходимъ, сказалъ Король? Я того совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ фениксъ, а хотѣлъ бы только вѣдать, куда прекрасная Принцесса Вавилонская и любезной мой другъ Амаганъ могутъ ѣхать. Я весьма сомнѣваюсь, сказалъ на то Король, чтобъ онъ могъ съ двумя ста-

стами своими единорогами пробиться чрезъ такія арміи, состоящія каждая изъ трехъ сотъ тысячь человѣкъ. Для чего не пройти, сказалъ Амацанъ?

Король Бетискій примѣтилъ, съ какимъ важнымъ видомъ Амацанъ выговорилъ слово *для чего*. Но зналъ притомъ, что онаго противъ безчисленныхъ армій будетъ не довольно. Я вамъ совѣтую, сказалъ онъ, ѣхать къ Королю Еѳіопскому; съ симъ чернымъ Государемъ я въ союзѣ помощію моихъ Палестиновъ, и дамъ вамъ къ нему письма. Онъ будучи непріятель Королю Египетскому, почтетъ себя весьма щастливымъ, когда чрезъ союзъ съ вами усилится. Я могу вамъ вспомоществовать двумя тысячами человѣкъ весьма трезвыми и храбрыми. Вы можете, когда хотите, принять въ службу вашу столько же у народовъ обитающихъ, или лучше сказать, скачу-

щихъ на Пиренейскихъ горахъ, называемыхъ Васкерами, или Васконами. Пошлите туда одного изъ вашихъ воиновъ на единорогѣ съ нѣсколькими алмазами. Нѣтъ ни одного Васкона, которой бы для службы вашей не оставилъ замка, то есть, отцовскаго своего соломеннаго шалаша. Они неутомимы, храбры и забавны, и вы ими будете весьма довольны. Между тѣмъ, пока они прїѣдутъ, будемъ мы для васъ дѣлать празднества и приготовимъ вамъ корабли. Я вамъ не могу довольно изъявить благодарности за оказанную вами мнѣ услугу.

Амацанъ пользовался щастїемъ, что опять нашелъ формозанту, и наслаждался въ обхожденїи съ нею въ тишинѣ, всѣми прїятностьми примиренной любви, которыя почти такую же имѣютъ силу, какъ и любви начальной.

Въ

Въ скоромъ времени появилась толпа бодрыхъ и веселыхъ Васконовъ, танцующихъ тамбуринъ; а другая храбрыхъ и важныхъ Бетисцовъ была уже въ готовности. Престарѣлой и смуглой Король обнялъ нѣжнымъ образомъ обѣихъ любовниковъ: онъ велѣлъ нагрузить ихъ корабли оружїемъ, постелями, шахматными играми, черными платьями, крагенами, лукомъ, баранами, курицами, мукою и множествомъ чесноку, желая имъ благополучнаго переѣзда, непремѣнной любви и побѣдъ.

Флотъ присталъ къ берегу, на которомъ сказываютъ чрезъ множество вѣковъ послѣ того Венецїанская Дидона, сестра Пигмалїонова, супруга Сихеева, оставя городъ Тиръ, основала преславной городъ Карѳагену, разрѣзавъ бычачью кожу на ремни, по свидѣтельству наиславнѣйшихъ писателей древности, которые нико-

когда басенъ не сказывали, и Профессоровъ, кои писали для малыхъ дѣтей, хотя въ самомъ дѣлѣ никогда не бывало въ Тирѣ человѣка, называемаго Пигмалїонъ, или Дидонъ, или Сихей, которыя имена настоящїя Греческїя, и въ сїе время въ Тирѣ и Короля совсѣмъ не было.

Гордая Карѳагена никогда не была приморскою гаванью; тамъ были только нѣкоторые Нумидїане, сушившїе на солнцѣ рыбу. Ѣхали мимо Бицацена и Сирты, плодоносныхъ береговъ, гдѣ были потомъ Сирена и великой Херсонесъ.

Наконецъ прїѣхали къ первому устью освященной рѣки Нила. На самомъ крайнемъ концѣ сей плодоносной земли принималъ уже Канопской портъ корабли всѣхъ народовъ торгующихъ, не зная, Богъ ли Канопусъ основалъ сей портъ, или жители онаго сдѣлали сего Бога, ниже того, созвѣздїель

дïель Канопусъ дало свое имя городу, или городъ свое созвѣздïе: все извѣстïе объ ономъ состояло въ томъ, что городъ и созвѣздïе были весьма древни. И вотъ все, что можно знать о происхожденïи дѣлъ, какого бы свойства они ни были.

Тутъ-то Король Еѳïопскïй, раззоряющïй весь Египетъ, увидѣлъ сшедшихъ съ коробля непобѣдимаго Амацана и прекрасную Формозанту. Одного почелъ онъ за бога войны, а другую за богиню красоты. Амацанъ подалъ ему препоручительное письмо отъ Короля Ишпанскаго. Король Еѳïопскïй тотчасъ учредилъ удивительныя празднества, слѣдуя непремѣнному обыкновенïю военныхъ временъ. Потомъ говорили о предпрïятомъ изгнанïи трехъ сотъ тысячь человѣкъ Короля Египетскаго, трехъ сотъ тысячь человѣкъ Императора Индѣйскаго, и трехъ сотъ тысячь человѣкъ ве-

ликаго Хана Скиѳскаго, осаждающихъ препространной, гордой и роскошной городъ Вавилонъ.

Двѣ тысячи Ишпанцовъ, которыхъ Амазанъ привезъ съ собою, сказали, что имъ Король Еѳіопскій для помощи Вавилону не надобенъ; довольно, когда ихъ Государь приказалъ имъ оной освободить, то они и одни сіе повелѣніе исполнить могутъ.

Васконы сказали, что они бывали много разъ въ таковыхъ дѣлахъ, и такъ одни побьютъ Египтянъ, Индѣйцовъ и Скиѳовъ; съ Ишпанцамижъ, естьли пойдутъ, то съ такимъ договоромъ, чтобъ онымъ быть въ аріергардѣ.

Двѣсти Гангаридовъ зачали смѣяться требованіямъ ихъ союзниковъ, и утверждали, что только со стами единорогами обратятъ они въ бѣгъ всѣхъ Королей на земли. Прекрасная Формозанта усмирила ихъ разумными

и пріятными своими разговорами. Амацанъ представилъ черному Монарху своихъ Гангаридовъ, единороговъ, Ишпанцовъ, Васконовъ и прекрасную свою птицу.

Все было въ готовности, чтобъ итти чрезъ Мемфисъ, Геліополъ, Арсиной, Петру, Артемиту, Сору, Апамею, атаковать трехъ Королей, и чтобъ начать сію достопамятную войну, въ разсужденіи которой всѣ войны, бывшія послѣ того между людьми, могутъ почесться за битву пѣтуховъ и перепелокъ.

Всякому извѣстно, какъ Король Еѳіопскій влюбясь въ прекрасную Формозанту, ее напостелѣ захватилъ во время то, когда сладкой сонъ затворилъ ея глаза. Можно припомнить, что Амацанъ, будучи свидѣтель сего позорища, почиталъ, что день и ночь спятъ вмѣстѣ. Не безъизвѣстножъ и

то,

то, что онъ разсердясь за сіе поруганіе, выхватилъ тотчасъ свой мечь, отрубилъ дерзскую голову сего безстыднаго Еѳіопа, и выгналъ всѣхъ Еѳіоповъ изъ Египта. Сіи удивленія достойныя дѣла не писаны ли въ лѣтописяхъ Египетскихъ? Богиня славы повсюду вострубила о побѣдахъ, которыя Амацанъ надъ тремя Королями съ Ишпанцами, Васконами и единорогами своими одержалъ. Онъ возвратилъ прекрасную формозанту ея родителю, освободилъ всю свиту своей любовницы, содержанную Королемъ Египетскимъ въ неволѣ. Великій Ханъ Скиѳскій объявилъ себя его подданнымъ, и бракосочетаніе его съ Принцессою Алдееюбыло утверждено. Непобѣдимой и великодушной Амацанъ, будучи признанъ наслѣдникомъ королевства Вавилонскаго, вошелъ въ городъ въ тріумфѣ съ фениксомъ, въ присутствіи ста Королей, его под-

подданныхъ. Празднество брака его превосходило во всемъ дѣланное прежде Королемъ Белусомъ. На столѣ поставленъ былъ волъ Аписъ жареной. Короли Египетскій и Индѣйскій подавали двумъ новобрачнымъ пить; и сіе бракосочетаніе воспѣто было пятью стами великими стихотворцами Вавилонскими.

О Музы! которыхъ всегда призываютъ въ началѣ своего сочиненія, а я къ вамъ вопію на концѣ. Напрасно упрекаютъ меня, что я говорю, слава Богу, не сказавъ benedicite. Музы! вы не малыя мои будете въ томъ предстательницы, воспрепятствуйте, чтобъ смѣлыя продолжатели не испортили баснями своими справедливостей, которыя я смертнымъ написалъ въ семъ искреннемъ расказаніи такъ, какъ они осмѣлились сдѣлать подложною Кандиду, Ингену, и непорочныя приключенія

нїя чистой Еганны, которую исключенной изъ Капуцынскаго ордена переобразилъ чрезъ стихи достойные Капуцыновъ въ изданїя Батавскїя. Да не сдѣлаютъ они сей обиды моему типографщику, обремененному многочисленною фамилїею, которой едва столько имѣетъ, чтобъ содержать литеры, бумагу и чернила.

О Музы! заставьте молчать несноснаго Коге, Профессора Бавардерскаго въ Коллегїи Мацаринской, которой будучи недоволенъ нравоучительными разговорами Велисара и Императора Юстинїана, писалъ негодные пасквили противъ сихъ великихъ людей.

Положите кляпъ въ ротъ педанту Лархеру, которой не зная ни слова древняго языка Вавилонскаго, не путешествуя такъ, какъ я на брегахъ Эвфрата и Тигра, былъ столько безстыденъ, и

и утверждалъ , что прекрасная формозанта дочь наибольшаго Короля на свѣтѣ; Принцесса Алдея и всѣ дамы сего почтеннаго двора ходили спать за деньги со всѣми конюхами Азïатскими въ большомъ храмѣ Вавилонскомъ по основанïю закона. Сей своевольникъ ученнаго собранïя, вашъ и стыда непрïятель , обвиняетъ прекрасныхъ Египтянокъ Мендескихъ, что они любили только козловъ, представляя себѣ тайнымъ образомъ чрезъ сей примѣръ сдѣлать нѣкоторое путешествïе въ Египтѣ, чтобъ имѣть наконецъ хорошïя приключенïя.

Какъ онъ противъ древняго не больше знаетъ и нынѣшняго , то включаетъ въ надеждѣ, чтобъ подбиться къ какой нибудь старухѣ, что наша несравненная Нинона будучи осьмидесяти лѣтъ, спала съ Гедуаномъ, Игуменомъ Академïи французской, надписей и чисто-

стоты языка. Онъ никогда не слыхивалъ о Игумнѣ Шатеневѣ, котораго онъ почитаетъ за Игумена Гедуана. Онъ не больше знаетъ Нинону, какъ и дѣвицъ Вавилонскихъ.

Музы, дочери неба, непрїятель вашъ Лархеръ еще больше дѣлаетъ. Онъ выхваляетъ мужеложство; онъ осмѣливается говорить, что всѣ банбины моей земли подвержены сему сраму. Онъ надѣется спастись тѣмъ, что умножилъ число преступниковъ.

Благородныя и чистыя Музы, вы имѣете отвращенїе равное отъ педантства, какъ и отъ мужества, защитите меня отъ учителя Лархера.

А ты, учитель Алиборонъ, говоритъ фреронъ, напредь сего называемой Iезуитъ; ты, котораго Парнассъ то въ скукѣ, то на

угол-

угольномъ кабакѣ; ты, которому отдавали толь великую справедливость на всѣхъ театрахъ Европы въ честной комедіи Шотландки; ты достойной сынъ попа де фонтена, рожденной отъ любви его съ однимъ изъ сихъ дѣтей прекрасныхъ, которые носятъ желѣзо и перевязь какъ Венеринъ, и которые воздымаются такъ, какъ и она на воздухъ, хотя никогда не проходятъ далѣе, какъ только до верьху печныхъ трубъ. Любезной мой Алиборонъ, къ которому я всегда имѣлъ столь много любви, и которой меня заставилъ цѣлой мѣсяцъ смѣяться во время сей Шотландки, я тебѣ препоручаю мою Принцессу Вавилонскую; говори объ ней худо, чтобъ ее читали.

Я и тебя здѣсь не забуду газетчикъ духовной, славной ораторъ обморочныхъ, отецъ церкви основанной Игуменомъ Бехерандомъ

и Абрагамомъ Шаменксомъ, не оставь сказать въ своихъ листахъ столь же набожныхъ, какъ красноръчивыхъ и разумныхъ, что Принцесса Вавилонская еретикъ, деистъ и атеистъ. Старайся особливо побудить господина Риболлера, чтобъ заставить проклясть Принцессу Вавилонскую чрезъ Сорбонну, ты сдълаешь великое удовольствіе моему книгопродавцу, коему я для новаго года сію малую Исторію подарилъ.

КОНЕЦЪ.

ПИСЬМО

ПИСЬМО

Архїепископа Канторбергскаго къ Архїепископу Парижскому.

Я получилъ, Милордъ, учрежденїе ваше противъ великаго Велисара, Генерала армїи Императора Юстинїана, и противъ господина Мармонтеля, Члена французской Академїи съ гербомъ вашимъ, поставленнымъ на двухъ мѣстахъ, покрытымъ большою шапкою и съ двумя шнурами, каждой о пятнатцати кистяхъ, все подписано Христофъ по милости Божїей, Латушъ, съ прїобщеннымъ на концѣ крючкомъ.

Мы Аглинскіе Епископы не выдаемъ иныхъ учрежденій, какъ касающихся до нашихъ откупщиковъ; и я вамъ признаюсь, Милордъ, чтобъ я въ вашемъ дѣлѣ желалъ нѣсколько больше Христіанскаго смиренія. Впрочемъ же я не понимаю, для чего вы въ надписи вашей принужденнымъ образомъ изъявляете, что вы проклинаете *господина Мармонтеля, Члена Французской Академіи.*

Естьли сочинители вашего учрежденія нашли, что полководецъ Императора Юстиніана не такъ изъяснялся, какъ Теологу вашей церкви надобно, то, мнѣ кажется, довольно бы для васъ было и того, чтобъ вы оное сказали, не трогая притомъ и знатнаго собранія, составленнаго изъ Принцовъ крови, Кардиналовъ, Прелатовъ такъ, какъ вы Герцоговъ и Парламентскихъ Членовъ, Маршаловъ Французскихъ, главныхъ правителей

лей и ученыхъ людей наиславнѣйшихъ. Я думаю, что французская Академія не имѣетъ никакого дѣла до вашихъ Теологическихъ споровъ.

Позвольте мнѣ вамъ сказать, что естьли бы мы выдавали учрежденія въ таковыхъ случаяхъ, то бы мы сами оныя сочиняли. Я досадовалъ, что сочинитель вашъ проклялъ слѣдующее предложеніе сего великаго Генерала Велисара: *Богъ страшенъ злымъ, тому я вѣрю, но я хорошъ.* Я васъ увѣряю, Милордъ, что естьли бы нашъ Король, которой глава нашей церквы, сказалъ: *я хорошъ*, то бы мы не издали противъ его учрежденія. *Я хорошъ*, столько же, кажется мнѣ, во всѣхъ земляхъ значитъ, какъ я имѣю доброе сердце, я люблю добро, я люблю справедливость, я хочу, чтобъ мои подданные были благополучны. И такъ не на-

хожу причины, чтобЪ за то быть прокляту, что имѣешь хорошее сердце. Король французскїй, какЪ весь свѣтЪ говоритЪ, весьма хорошЪ, и толь хорошЪ, что онЪ вамЪ простилЪ повторительныя непослушанїя, которыя францїю смутили, и кои вся Европа не почла вЪ знакЪ хорошаго разума. Вы безЪ сомнѣнїя довольно хороши, чтобЪ обЪ немЪ притти вЪ раскаянїе.

Мы не видимЪ, чтобЪ Велисаръ былЪ достоинЪ ада за то, что сказалЪ, что онЪ хорошїй человѣкЪ. Вы утверждаете, что сїе добро есть еретичество по тому, что святый АпостолЪ ПетрЪ вЪ первомЪ своемЪ посланїи гл. V. стихЪ. 5. сказалЪ: *БогЪ гордымЪ противится.* Но сочинитель вашего учрежденїя не думалЪ совсѣмЪ о томЪ, что онЪ писалЪ. Правда, что БогЪ противится; сопротивленїе прилично Богу. Но кому онЪ противится,

по

по словеси святаго Апостола Петра? Прочтите пожалуйте начало, и вы увидите, что онъ противится священникамъ, худо пасущимъ своя стада, а особливо юнымъ, неповинующимся старцамъ. *Юни, лопинитеся старцамъ*, говоритъ онъ: *пси же другъ другу лопинующеся, смиренномудріе стяжите; зане Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

И такъ вопрошаю я васъ, какое средство есть между симъ сопротивленіемъ Божіимъ и добрымъ сердцемъ Велисаровымъ? Полезно выхвалять смиренномудріе, но не забыть притомъ похвалить и здраваго разсудка.

Весьма тому дивятся, что вашъ сочинитель опорочивалъ сіе человѣколюбивое и естественное выраженіе Велисарово: развѣ не об-

обходимо *надобно, чтобъ столь много было оглашенныхъ?* Вы не токмо не хотите, чтобъ Велисаръ былъ хорошъ; но вы еще желаете, чтобъ и Богъ милосердія не былъ хорошъ. Какое вамъ въ томъ удовольствіе, когда весь свѣтъ будетъ проклятъ? Мы на своемъ островѣ не такъ жестокосерды. Предокъ нашъ великой Тиллотзонъ, будучи признанъ за наиразумнѣйшаго и наименьше краснорѣчиваго предиканта Европы, почти всѣ предики свои говорилъ такъ, какъ Велисаръ. Вы мнѣ позволите здѣсь взять его сторону. Будьте прокляты Милордъ, естьли вы того хотите; но я вамъ изъясняю, что я не токмо самъ онымъ не хочу, но и пріятелямъ моимъ того не желаю, надобно имѣть нѣсколько Христіанской любви. Я бы имѣлъ и еще что сказать вашему сочинителю, а особливо совѣтовалъ бы я ему, чтобъ онъ въ сочиненіяхъ

нїяхъ своихъ не столь былъ плодовитъ. Пространство въ учрежденїяхъ весьма не годится: сей толь нужной предметъ не очень въ вашей землѣ наблюдается.

Симъ препоручаю васъ, любезной братъ, милости Божїей, хотя слово хорошїй вамъ толь и противно.

Вашъ хорошїй собратъ

Архїепископъ Канторбергскїй.

P. S. Когда вы будете писать къ Епископу Римскому, прошу засвидѣтельствовать отъ меня ему поклонъ; я къ нему въ достоинствѣ брата имѣю всегда большее почтенїе. Увѣдомляютъ меня, что онъ предъ не давнымъ временемъ имѣлъ нѣкоторыя не большїя досады. Неаполитанская лошадь дала ужасной ударъ ногою его ослицѣ, Венецїанская барка весь-

весьма пощипала барку святаго Петра, сыръ Пармезанъ сдѣлалъ ему чрезвычайной запоръ. Мнѣ сего жаль: сказываютъ, что онъ хорошій человѣкъ; простите меня въ семъ словѣ. Я весьма зналъ его отца во время путешествія моего въ Италіи: онъ былъ хорошій Банкиръ; но мнѣ кажется, что онъ не умѣетъ хорошо весть своего счета.

КОНЕЦЪ.